

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Я УКРАЛ МОНУ ЛИЗУ

ЭКСМО

Кража Тысячелетия

Евгений Сухов

Я украл Мону Лизу

«ЭКСМО»

2013

Сухов Е. Е.

Я украл Мону Лизу / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2013 — (Кража Тысячелетия)

В 1911 году богач и ценитель прекрасного Николай Зосимов решает во что бы то ни стало заполучить в свою коллекцию «Джоконду» – самую известную картину Леонардо да Винчи. Беда только в том, что картина не продается: она выставлена в Лувре и является национальным достоянием Франции. Но разве это препятствие для страстного коллекционера? Конечно, нет! Зосимов нанимает виртуозного мошенника Михаила Голицына и приказывает ему выкрасть шедевр. Голицын прибывает в Париж, долго и тщательно готовится, а когда во всеоружии заявляется в Лувр, обнаруживает, что кто-то его опередил: «Джоконда» похищена буквально несколько часов назад...

© Сухов Е. Е., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгений Сухов

Я украл Мону Лизу

Часть I

Обманутый заказчик

Глава 1

Месье, вы что-то украли?

1911, СЕНТЯБРЬ. ПАРИЖ

Покинув роскошный особняк Джона Моргана, Винченцио Перуджи уже знал, что он предпримет следующим утром. Поднявшись к себе в каморку на самый верхний этаж и пребывая в благодушном расположении духа, достал из шкафа бутылку виски двадцатипятилетней выдержки, которую хранил для особого случая, и плеснул в стакан из тонкого стекла. Подумав, налил до половины – не тот случай, чтобы скупиться, – слегка взболтав янтарную жидкость, он вдохнул терпкий аромат и осушил напиток одним большим глотком. А теперь спать! Уже укрываясь теплым одеялом, был уверен, что ни крики извозчиков, ни гудки автомобилей, ни пронзительный ор мальчишек, продававших газеты, ни даже грассирующая громкая речь мадам Досен, что каждое утро поругивала своего благоверного за испачканный сюртук, не выдернут его из приятного забытья. Проспит спокойно и ровно до того самого времени, когда в близлежащем ресторанчике не начнут подавать ароматный кофе. И вообще, сегодня жизнь ему виделась безмятежной, как предстоящая ночь.

Проснувшись утром в приятном возбуждении, Винченцио Перуджи вышел на улицу, насладился чашкой крепкого будоражащего кофе, затем купил газеты в близлежащем киоске, где размещались объявления о найме на работу, и, прижав газеты под мышкой, затопал к себе в комнату. Еще через четверть часа, вооружившись карандашом, он отыскал то, что нужно, и, довольно хмыкнув, обвел объявление красной жирной чертой. Надев старое пальто, отметил, что на локтях оно пообтерлось, но переодеваться не пожелал, возможно, что так оно и к лучшему. Взяв тонкую трость с черным эбонитовым набалдашником в виде птицы, сложившей крылья, вышел на улицу. Вскочив в проезжающую пролетку, распорядился:

– На улицу Дарю! И только побыстрее!

– Хорошо, месье, домчу быстро, даже не заметите! – с готовностью пообещал молодой возница и, махнув тонким кнутом, поторопил крутобокую рыжую лошадку: – Пошла, родная!

Добравшись до места, Винченцио щедро расплатился с извозчиком. Лихо соскочив с пролетки, бодро зашагал по направлению конторы. Потянув на себя узкую дверь, обитую потемневшей от времени рейкой, Винченцио Перуджи вошел в небольшое учреждение, где за крошечным столом с исцарапанной поверхностью сидел худощавый немолодой человек с вытянутой головой и в тяжелых дымчатых очках, едва державшихся на крошечном вздернутом носе. Он что-то энергично записывал на листке бумаги, не поднимая голову на вошедшего. Лишь только когда Перуджи сдержанно закашлял, привлекая к себе внимание, он воткнул ручку в чернильницу и по-деловому поинтересовался:

– Что вы хотели, месье?

– Я по поводу работы, прочитал ваше объявление и вот...

– Как вас зовут? – перебил служащий.

– Винченцио Перуджи.

– А я главный исполнительный директор по подбору персонала, меня зовут Вольфганг Бюрон. Кто вы по профессии, месье Перуджи?

– У меня много профессий, я работал маляром, столяром...

– Отлично! – обрадовался сухощавый. – У нас как раз есть вакансии для человека вашего профиля. В настоящее время нам требуется столяр для работы в здании вокзала.

– В объявлении я прочитал, что вам нужен творческий человек, что вы работаете в музеях, будто бы зарплата там значительно выше. Знаете ли, у меня большая семья, я нуждаюсь в средствах.

Сняв очки, худощавый внимательно посмотрел на Винченцио.

– Разумеется, у нас есть работа иного рода, для более квалифицированных специалистов. Они работают в государственных учреждениях, в музеях, но что вы умеете делать?

– Одно время я работал реставратором. А потом я очень прилично рисую. Например, я могу делать хорошие рамки для картин.

– Рамки для картин? – переспросил директор, задумавшись. – Знаете, как раз сегодня нам пришла разнарядка из Лувра. Мы работаем с ними по контракту, вы согласны?

– Конечно.

– Работа рассчитана на четыре месяца, но она весьма оплачиваема. Они как раз ищут квалифицированного столяра, умеющего делать для картин короба. Кроме того, в музее очень много работы, связанной с оформлением залов.

– У них разве нет людей для такой работы?

– Увы! Сейчас все декораторы и столяры заняты. Руководством Лувра было решено спрятать наиболее важные картины под толстое стекло. Вот они и привлекают дополнительные силы. Так вы согласны?

– Согласен.

– Когда вы сможете приступить к работе?

– В любой день.

– В таком случае давайте не будем тянуть время. Сегодня я вас оформлю, и завтра вы уже можете выходить на работу.

Нацепив очки на оттопыренные уши, он обмакнул перо в чернильницу и произнес:

– Значит, Винченцио Перуджи.

– Именно так.

– Где вы проживаете?

* * *

В первый месяц работы в Лувре Винченцио Перуджи невероятно повезло: доверили изготовить для «Моны Лизы» короб со стеклом. Сняв картину со стены под взглядами собравшихся посетителей, он обмерил ее со всех сторон рулеткой, порой касаясь пальцами шершавой красочной поверхности, а потом, тщательно протерев ветошью золоченую раму, аккуратно повесил на прежнее место. В какой-то момент Перуджи даже подумал, что более благоприятного момента для кражи картины не представится, но, оценив твердо ситуацию, осознал – вынести ее не удастся.

«Мона Лиза» улыбалась, почувствовав волнение Перуджи.

На изготовление короба ушла неделя. Винченцио Перуджи всегда был превосходным столяром, но сейчас просто превзошел себя, понимая, что для столь великой картины должно быть подобающее оформление. После того как короб был изготовлен, он отнес его в реставрационный отдел. Главный реставратор внимательно и придирчиво осмотрел работу, после чего, одобрительно кивнув, спросил:

– Для «Моны Лизы»?

– Да, месье, – спокойно отозвался Перуджи.

– Сделано просто превосходно! Такой короб можно повесить и без картины, – пошутил он.

– Но все-таки будет лучше, если в нем будет находиться «Джоконда».

– Однако вы весьма самолюбивы, месье.

– Разве только самую малость, – признал Перуджи.

Уже на следующий день он увидел «Мону Лизу» в изготовленном коробе и упрятанную под тяжелое толстое стекло. Теперь ее улыбка выглядела иной, полукавее, что ли... Толстое стекло как будто бы еще дальше отдалило его от «Моны Лизы». Порой, когда выдавалось время, Винченцио Перуджи приходил в «Квадратный салон» и подолгу смотрел на картину. В коробе-раме, защищенная стеклом от вандалов, она едва улыбалась ему со стены, выражая признательность.

За последующие три месяца Винченцио ни на шаг не приблизился к картине. Но время не терял: обзавелся несколькими знакомыми, с которыми нередко проводил время за чашкой кофе, и продолжал разрабатывать план кражи картины. Наиболее реальный – вынести ее через запасной ход, когда в Лувре будет меньше всего народу. Еще через несколько дней план был обдуман и просчитан до мелочей, оставалось только дожидаться подходящего случая.

Несмотря на все предпринятые усилия, новый контракт администрация не продлила, и Перуджи был вынужден искать работу за пределами Лувра. На третий день отыскал подходящее место – в небольшом кафе на окраине Парижа, – устроившись декоратором.

Два дня назад в его небольшую комнату на окраине Парижа негромко постучали. Поначалу неожиданный стук его встревожил: кто бы это мог быть? С женщинами он предпочитал встречаться в недорогих гостиницах; с приятелями в ресторанах, где нередко засиживались допоздна. Внутри неприятно ворохнулось: может, полиция что-то разнюхала и вышла на его след?

– Кто там? – скрывая тревогу, спросил Винченцио.

– Это я, мистер Перуджи, – прозвучал негромкий мужской голос.

Отомкнув дверь, он даже не удивился, когда увидел маленького круглолицего человека, весьма добродушного на вид, секретаря господина Моргана. Для всех знакомых его местожительство оставалось тайной, но только не для господина Моргана.

Скупно улыбнувшись, секретарь спросил разрешения войти, а потом, по-хозяйски ступив в холостяцкий беспорядок и не утруждая себя долгим вступлением, объявил, что у господина Моргана заканчивается терпение, и если его заказ не будет выполнен в ближайшую неделю, то он просто перепоручит его другому.

Винченцио Перуджи терпеливо выслушал строгое нарекание и попросил секретаря зайти через пять дней за картиной, где-нибудь около пяти часов вечера.

– Это то, что я хотел от вас услышать, – сказал секретарь и, любезно улыбнувшись, тотчас откланялся, оставив после себя в небольшой комнате запах дорогого парфюма.

Джон Морган, имевший в криминальном мире немало связей, четыре года назад сумел выйти на него, зная, что Винченцио промышляет кражей картин. Не особенно выбирая слова, он предложил начать сотрудничество, и в первую же встречу предложил выкрасть картину Тициана, к которому имел особую слабость, «Купающуюся Венеру» из Лейпцигского музея. Заказ был выполнен через две недели, чем привел банкира в неописуемый восторг. С тех пор он выкрал для Моргана более двух десятков картин, наведываясь с отмычкой и ключами едва ли не во все самые крупные музеи Европы. И вот в последнюю их встречу он предложил выкрасть «Мону Лизу», выплатив значительный аванс. На кражу отводилось четыре месяца, последний из которых истек на прошлой неделе. Теперь Винченцио Перуджи понимал, что если ему не удастся выкрасть «Джоконду» в ближайшие несколько дней, то не сумеет этого сделать никогда. Поразмыслив, он посчитал, что наиболее благоприятным днем будет понедельник. Лувр

закрывался на санитарный день, значительная часть охраны и зрителей будет отпущена за ненадобностью, останутся лишь рабочие, что будут вести плановый ремонт по реконструкции здания, да вот еще декораторы, которые располагались в небольшой комнате на первом этаже.

Как следует отославшись, Перуджи выпил традиционную чашку кофе, оделся в повседневный сюртук и посмотрел на себя в зеркало. С зеркальной поверхности на него глянул художавый брюнет с тонкими, тщательно постриженными усиками. Обыкновенный среднестатистический парижанин. Ничто не свидетельствовало о том, что именно он должен совершить кражу века. Крупные карие глаза смотрели спокойно и уверенно. Такого человека трудно заподозрить во лжи, и уж тем более в воровстве.

Страхнув с лацкана сюртука приставшую пушинку, Перуджи аккуратно надел черный котелок с узкими полями, взял холщовую сумку и вышел из комнаты.

До Лувра добрался на пролетке. Извозчик был из племени провинциалов, что надеялись сколотить состояние с помощью захудалой лошади. Парня не стоило разочаровывать скупыми «чаевыми».

– Вот что, милейший, – вложил Перуджи в ладонь извозчика пятнадцать франков, – если подъедешь к Луврской набережной к десяти часам, то получишь еще столько же.

– Хорошо, месье, – охотно, с гасконским акцентом, отозвался извозчик. На миг его лицо приобрело некоторую задумчивость, наверняка подсчитывал возможную прибыль, – я вас не подведу.

Следовало бы подсказать парню, что самый простой путь к обогащению – это кража артефактов. Задержав взгляд на простоватом веснушчатом лице юноши, Винченцио улыбнулся: впрочем, до столь очевидных вещей следует додумываться самому.

Винченцио Перуджи уверенным шагом направился к главному входу в Лувр. У закрытых дверей в одежде охранника стоял его приятель Роберто.

– Ты сегодня рано, Винченцио, – ответил тот на приветствие, пропуская его в Лувр.

– У меня много работы, Роберто, нужно сделать еще два короба-рамы для картин Рафаэля. Господину главному хранителю пришли письма, что один из несостоявшихся художников хочет облить их кислотой.

– Ничего нет святого, замахнулись даже на Рафаэля! Ты бы тогда, Винченцио, вставил стекло потолще, – напутствовал охранник.

– Все будет в лучшем виде, Роберто, – отвечал Перуджи, направляясь в холл, – я свое дело знаю.

Спрятавшись за колонну, Винченцио перевел дух: первая часть пути была преодолена. За четыре месяца, что он провел в Лувре, для многих он успел сделаться своим, крепко примелькавшись, как картины, что висели на стенах, или как статуи, что стояли в переходах. Даже после окончания контракта многие продолжали считать, что он по-прежнему работает в декораторской мастерской.

Коридоры Лувра без посетителей выглядели невероятно огромными и пустынными, но во двориках, готовящихся к колоссальному переустройству, царила рабочая суета. Лишь в галереях было безлюдно – можно было повстречать только зрителей, уныло оглядывающих свои владения, или рабочего, торопливо спешащего с инструментами.

Прекрасное время!

Винченцио Перуджи завернул в туалет и, вытащив из сумки спецодежду служащего Лувра, быстро переоделся. Теперь он был невидим даже для служащих музея. Затем столь же быстро вышел и заторопился в сторону «Квадратного салона». Пустынные коридоры гулко отзывались на размашистый шаг. В двух последних залах уныло топтались зрители: высокий крепкий мужчина, с которым Перуджи немного приятельствовал, издали кивнул Винченцио костлявой головой, и высохшая старуха с глубоко запавшими глазами и недоверчивым взглядом, – она лишь едва взглянула в его сторону.

Добравшись до «Квадратного салона», Винченцио Перуджи осмотрелся по сторонам, – в углу стоял старый хлипкий стул, на котором обычно сидела смотрительница. Взяв его, он подошел к картине.

С холстов застывшими взглядами на него в немом ожидании взирали люди, жившие несколько столетий назад. Они, казалось, догадывались о его тайных преступных помыслах, если не так, тогда откуда эта настороженность в глазах... Вот только ничего не могли поделать.

Встретившись глазами с «Моной Лизой», Перуджи приостановился, – ее взгляд выражал укор. Нахлынувшее сомнение дало болезненный росток, но уже в следующую секунду, подмяв колебание, Винченцио встал на стул и уверенно снял картину с крючков.

Полотна, ставшие свидетелями преступления, боязливо помалкивали. Винченцио Перуджи, прижав картину к себе, уверенным шагом пересек соседний зал и, открыв служебную потайную дверь, оказался в небольшом тесном помещении. Оставшись наедине с картиной, он пристальнее всмотрелся в прекрасное женское лицо, как если бы рассчитывал увидеть в нем перемены. Но оно, как и прежде, оставалось безмятежным.

Вытащив из кармана нож, он разрезал полоску бумаги, скрепляющую картину с рамкой, и аккуратно извлек полотно. Далее, стараясь не помять холст, уложил картину в пакет и, обернув заготовленной тряпицей, уверенно вышел из подсобного помещения.

Его появление встретили понимающие застывшие взгляды с развешанных картин. Ангелы, святые, стоявшие у ручья, никогда не расскажут о свершившемся преступлении, следовательно, они его соучастники.

В зале голландской живописи он заметил мадам Лоньаи, протиравшую запыленные рамы картин.

– Вы сегодня прекрасно выглядите, милая мадам Лоньаи, – широко улыбнулся Винченцио Перуджи.

– Спасибо, Винченцио, – на минуту оторвавшись от работы, произнесла женщина. – Что-то тебя давно не было видно.

– Просто сейчас я работаю во дворе Лувра, – отвечал Перуджи, плотнее прижимая к себе картину. – Что вы делаете вечерами, мадам Лоньаи?

– Ничего особенного, Винченцио. А что?

– Хотел предложить вам выпить со мной как-нибудь по чашечке кофе.

Старушка весело рассмеялась.

– Ах ты, безобразник, Винченцио! Я ведь увлекающаяся женщина, могу и влюбиться.

– Из нас получилась бы прекрасная пара, мадам Лоньаи.

– Очень на это рассчитываю, буду тебя ждать.

Перуджи вышел из зала и свернул на боковую лестницу, которой пользовались служащие музея. Обычно здесь никого не бывает, так что можно передохнуть и унять накотившее волнение. Глубоко выдохнув, он спустился на первый этаж и толкнул дверь.

– Проклятье! – невольно вырвалось у Перуджи – дверь была заперта. Неужели все пропало? Не выламывать же ее плечом!

Прислушавшись, он различил прерывистую речь, раздававшуюся из конца двора. Вскоре голоса умолкли. Где-то в дальнем конце двора раздавался размеренный стук молотка – бригада слесарей проводила ремонтные работы. Убедившись, что за дверью никого нет, Винченцио Перуджи достал из кармана отвертку и принялся откручивать замок. Вывернув три шурупа, он обнаружил, что замок был непростой и держался на штырях, по обе стороны которого были закреплены дверные ручки. Оставалось только устранить препятствия, отвернуть ручку, и пружина отомкнется. На это потребуется некоторое время, остается надеяться, что извозчик не уедет с набережной и сумеет его дождаться.

Открутив ручку, Перуджи с досадой обнаружил, что язычок замка не желает открываться и продолжает оберегать музейные сокровища.

– Проклятье!

Чиркнув спичкой, он посветил в глубину образовавшегося проема и обнаружил, что замок цепляется за выступающий паз. Остается только ухватить его чем-нибудь острым, и можно будет открыть дверь.

Сунув отвертку в образовавшуюся щель, Винченцио попытался открыть язычок замка и вдруг услышал приближающиеся шаги. Вытащив отвертку, Перуджи затаился. Человек остановился напротив двери.

– Тут кто-то есть? – услышал Перуджи снаружи громкий голос.

Накативший страх пронизал конечности: а что, если уже хватились пропавшей картины и охранники поджидают его за дверью, чтобы скрутить и препроводить в полицейский участок!

– Эй, кто там? – грубовато откликнулся Перуджи. – Откройте немедленно дверь, не век же мне здесь дожидаться!

– Обождите, месье, – услышал Перуджи чей-то ровный и, как ему показалось, даже несколько виноватый голос. – Я сейчас.

В замке провернулся ключ, а еще через секунду дверь распахнулась.

– Пожалуйста, месье, выходите, – добродушно произнес молодой человек в халате луврского служащего.

– Кто вы такой? – недовольно буркнул Перуджи, поднимая со ступенек лестницы картину.

– Я слесарь, этот замок заедает. Мне сказали починить этот замок.

– Вам бы следовало заняться этим делом еще вчера вечером, – отчитал Перуджи слесаря, – мне пришлось тут самому немного повозиться, чтобы исправить вашу оплошность.

– Вы уж извините меня за причиненные неудобства, месье, просто вчера у меня было очень много работы. В зале итальянского Ренессанса кто-то открутил замки, пришлось вставлять их заново.

– Что же это такое получается? – продолжал возмущаться Перуджи. – В Лувре переломались все замки! Если так будет продолжаться и дальше, так воры вынесут из музея все картины! Как только сделаете замок, так обязательно доложите об этом главному хранителю, – распорядился Перуджи, сунув открученную ручку в карман.

– Слушаюсь, месье, – охотно отозвался слесарь.

Без суеты, как и подобает человеку, обремененному ответственностью и занятому, Винченцио Перуджи направился во «Дворик Сфинкса». Подле огромных египетских скульптур, установленных друг за другом, будто бы по ранжиру, он остановился только для того, чтобы покомпактнее упаковать картину и аккуратнее перевязать пакет. Далее следовал «Дворик Висконти». Опять повезло, – за время пути в демонстрационном зале ему встретился только один человек, которого он едва знал, – кивнув издали, он заторопился по залу напрямик к запасному выходу.

Открыв дверь, Винченцио Перуджи увидел декораторов, укрепляющих над входной аркой королевский герб. Одного из них, веселого парня по имени Габриэль, он знал весьма хорошо. В прошлом месяце они весело провели ночь в обществе двух модисток из соседнего ателье. Перегнувшись через перила, тот устанавливал под герб подпорки. Теперь можно быть уверенным, что музейный символ не свалится на головы незадачливых посетителей.

До Луврской набережной оставалось всего-то несколько десятков шагов. Винченцио прошел в туалет, снял с плеч халат и сунул его в сумку, которую повесил на крючок. После чего обмотал вокруг талии картину и вышел с пустыми руками во двор.

Впереди, выкрашенная зеброй, стояла будка сторожа со шлагбаумом, загораживающим узкий проход. Сторожил здесь Питер, недоверчивый, хмурого вида мужчина лет сорока. Обычно он всегда стоял у входа, пристально всматриваясь в каждого выходящего, не забывая заглядывать в сумки, – главное препятствие, которое следовало преодолеть. Однако сейчас его не было. Инструкции сторожайше запрещали сторожам покидать рабочее место, должно

произойти нечто чрезвычайное, ради чего Питер может бросить свой пост, – например, могла закончиться вода для кофе, до которого он был весьма охоч, а ближайший кран с водой находился в здании Лувра.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Перуджи миновал шлагбаум и направился к пролетке, стоявшей на набережной.

– Я не опоздал? – спросил он у извозчика, устраиваясь в кресле.

– Нет, месье, вы вовремя. Куда вас отвезти? – приподнял вожжи извозчик.

– Вот что, любезнейший, давай поезжай на площадь Согласия, – расслабляясь, произнес Перуджи.

Все самое страшное оставалось позади. Стараясь не помять холст, завернутый вокруг туловища, Винченцио откинулся на кожаное кресло. Хотелось верить, что самое скверное осталось позади.

– Месье, вы выглядите так, как будто что-то украли.

– С чего ты взял? – буркнул Перуджи, подозрительно взглянув на возчика.

– Просто я понимаю в этом толк. Но, пошла! – поторопил гасконец лошадь.

Глава 2

Заманчивое предложение

1499 ГОД. ФЛОРЕНЦИЯ

За прошедшие восемнадцать лет Флоренция практически не изменилась. Хотя сам Леонардо был не тот, что прежде: уезжал из города молодым художником, не сумевшим заслужить места при дворе Великолепного Лоренцо Медичи, а вернулся в Тоскану всеми признанный мастер, слава которого уже давно перешагнула границы Италии.

За плечами Леонардо да Винчи была «Тайная вечеря», написанная на стене трапезной монастыря Санта-Мария-делле-Грацие, считавшаяся лучшей из того, что было создано художниками на религиозную тему. В короткий срок слава о его творении распространилась по всему Апеннинскому полуострову, и к монастырю потянулись паломники и страждущие. У каждого, кто смотрел на картину, всматриваясь в лица апостолов, наполненные противоречивыми эмоциями, невольно возникало ощущение, что он становится свидетелем трудного разговора Христа со своими учениками.

Кисти Леонардо да Винчи принадлежала картина «Мона Лиза в скалах», заставившая склониться перед его могучим талантом великого Кватроченто. А ангел на картине «Крещение Христа» заставил отказаться от рисования его учителя Андреа дель Верроккьо. Остановив на нем свой взгляд, всегда сдержанный маэстро, стараясь не встретиться взглядом с учеником, вошедшим в творческую мощь, в эмоциональном порыве произнес:

– Теперь я никогда не сумею взяться за кисть... Потому что мне не удастся нарисовать ничего лучше этого ангела.

Трудно было сказать, говорил он это всерьез или просто пошутил, но действительность была такова: более Верроккьо ни разу не взялся за кисть и предпочел заниматься тем, что у него получалось лучше всего, – ваять скульптуры. Теперь на счету Леонардо было сотни нарисованных эскизов, множество написанных портретов, полсотни изготовленных скульптур, тысячи исписанных страниц, проливавших свет на законы природы и общества, десятки изобретений. Его живой, пытливый ум буквально проникал во все области существующих знаний, и едва ли не в каждом из них Леонардо сумел преуспеть и снискал себе заслуженную славу и всеобщее признание среди современников. И вот теперь он явился во Флоренцию, в город своей юности, когда-то пренебрегший его дарованиями.

Уже давно почил Лоренцо ди Пьеро де Медичи Великолепный. А вместе с его уходом город поменял прежнюю благодатную атмосферу и уже не являлся прибежищем художников и музыкантов, даже воздух казался несколько иным, – был не столь прозрачным и звенящим, как в дни его молодости. Вместо герцога Лоренцо, человека умного, гибкого, блистательного во многих отношениях, прекрасно ладившего со всеми слоями общества, в том числе и с художниками, к власти пришли его недалёковидные родственники, не обладавшие опытом управления своевольным городом. Неудивительно, что вскоре семейство Медичи было изгнано, а зияющую духовную пустоту два года назад занял доминиканский монах Савонарола, религиозный фанатик, предвещавший с площади скорый конец света.

– Скоро наступит конец света! Вниз! Вниз! – кричал безумный фанатик на площади перед кафедральным собором, сверкая гневными глазами на собравшуюся толпу. – Отправляйтесь вниз со всем своим золотом и украшениями! Идите в ад! Туда, где тела идут на прокорм червям! Жгите костры и бросайте в них все свое богатство! Все то, что было нажито во грехе! Все то, что не понадобится вам в вечной жизни! Покайтесь! Только так вы можете получить прощение, только так сумеете спасти свои грешные души в Апокалипсисе!

Флоренция, приготовившаяся к скорому концу света, запольхала огромными кострами покаяния, в которые богатые горожане швыряли нажитое добро, украшения, дорогие одежды,

драгоценности, ткани, расписанные серебряными и золотыми нитями, древнейшие манускрипты и многое другое, без чего человек способен обойтись в обычной жизни и что станет для него непреодолимым барьером на его пути к обретению рая.

Флоренция, еще каких-то два года назад невероятно богатая и блистательная, с каждой горячо произнесенной проповедью безумного монаха теряла накопленное веками великолепие, превращаясь в унылый среднестатистический город Тосканы, сходя с арены, как дом для художников и скульптуров, где они могли всецело раскрыть природные дарования. И когда сжигать уже было нечего даже нищим, а костры, не отыскав пищу, стали понемногу затухать, а конец света, обещанный страстным Савонаролой, так и не наступил, жители, лишившиеся накоплений и ценностей, изловили монаха и под торжествующие крики обманутой толпы повесили его на площади Синьорели, где еще совсем недавно тот с жаром произносил проповеди. Но даже этого им показалось мало: поруганного, оклеветанного, обесчещенного позорной смертью, уже истлевшего, Савонаролу сняли с петли, а потом при большом скоплении народа сожгли на площади, чтобы его обесчещенная душа не сумела вернуться в тело после пришествия Христа и вечно мучилась неприкаянной.

Сейчас, при возвращении Леонардо да Винчи во Флоренцию, уже никто не говорил о скором конце света; не полыхали «костры покаяния», но в городе было явно не до веселья. От прежней веселой атмосферы, каковой всегда славилась Флоренция, не осталось и следа. Впрочем, как не было уже его учителя Верроккьо, давно усопшего; лежал в могиле великий Антонио дель Паллайоло, а Кватроченто уже не радовал своей веселостью и искренностью. Город переменялся, и Леонардо его не узнавал.

Маэстро Леонардо да Винчи вместе со слугами и подмастерьями, в числе которых был Салаино, прозванный когда-то Чертенком, расположились в небольшом доме, по соседству с магистратом. Теперь наука занимала его куда больше, чем искусство, и он посвящал ей значительную часть времени. Подмастерья не без удивления отмечали, что маэстро мог не брать в руки кисть неделями. К чему не ослабевал его интерес, так это к рисункам, – он делал изящные наброски листьев, цветов, что росли в парках, насекомых, встреченных во время прогулки, и прочей на первый взгляд незначительной мелочи, что находил занятным, а то и забавным.

На четвертый день пребывания маэстро во Флоренции в дверь его комнаты постучали. Открыв на негромкий стук, Леонардо увидел перед собой высокого худого монаха с изможденным вытянутым лицом, судя по одежде, принадлежавшего к ордену сервитов.

– Разрешите войти? – спросил монах, смерив художника кротким взглядом.

– Прошу вас, святой отец, – широко распахнул дверь Леонардо да Винчи, пропуская неожиданного гостя. Поблагодарив, монах вошел. – Садитесь. – И когда монах присел, подбрав полы рясы, спросил: – Чем могу быть вам полезен?

– Я брат Павло, сервит из монастыря Благовещения, – все тем же негромким голосом сообщил монах.

– Я понял, что вы сервит, – едва улыбнулся Леонардо.

– Мне приходилось видеть вашу картину «Тайная вечеря» в монастыре Санта-Мария-делле-Грации, – произнес гость с восхищением, столь несвойственным для монаха, тем более для сервита. – Признаюсь вам откровенно, ничего более прекрасного я не видел. В свое время я серьезно занимался живописью и знаю, как нелегко рисовать фрески и верно разместить композицию. Поэтому полон восхищения, что вам удалось уместить Христа с апостолами за одним столом на сравнительно небольшой площади. Это просто непосильная задача!

– Признаюсь откровенно, мне пришлось изрядно помучиться, прежде чем удалось создать нужную композицию.

– Со стороны этого не скажешь... Глядя на эту картину, невольно возникает ощущение пространства. Совершенно невозможно поверить, что она нарисована всего-то на чистой стене.

– Я сделал множество эскизов, прежде чем совершить первый мазок на чистую стену. И очень надеюсь, что получилось неплохо. Правда, на следующий год был большой ливень, вода в трапезной поднялась едва ли не на метр, и большая часть красок отсырела и осыпалась. И я не знаю, продержится ли нарисованное хотя бы пяток лет, – с горечью пожал плечами Леонардо.

– О да! Это большая потеря.

– Так что вы хотели, брат Павло?

– Братья мне поручили, чтобы я попросил вас нарисовать для нашего монастыря алтарную картину. Вы не откажете нам в любезности? – с некоторым волнением спросил монах, посмотрев в задумчивые глаза Леонардо.

Возможно, что прямой взгляд монаха следовало бы назвать дерзким, – в нем отсутствовало должное смирение, – и Леонардо предположил, что в прежние времена у доминиканца была другая жизнь, насыщенная драматическими событиями. Кто знает, уж не она ли привела его впоследствии под своды монастыря.

Леонардо да Винчи давно не рисовал картин для души, понимая, что придется столкнуться с проблемой реализации, – лишь только ограниченный круг людей может позволить себе роскошь купить картину великого мастера. Другое дело – если он получает заказ, тогда проблема с реализацией отпадает сама собой.

– Хорошо, я берусь за ваш заказ, тем более что в настоящее время я ничем серьезным не занят. – И, широко улынувшись, добавил: – Теперь я знаю, как занять себя и своих помощников. Но мне нужно отдельное помещение для мастерской.

– Мы предоставим вам в обители большую комнату, где вы можете трудиться со своими помощниками, – оживленно продолжал монах.

– Что именно должно быть на картине?

– Мы бы хотели, чтобы на ней была Мадонна с Младенцем и своей матерью, святой Анной.

– А какой сюжет вас интересует?

Монах выглядел слегка смущенным.

– Мы полагали, что вы сами подберете подходящий сюжет. Тем более что у вас уже есть опыт в таких картинах.

К образам Мадонны, святой Анны и Христа маэстро обращался задолго до разговора с монахом-сервитом и даже сделал несколько набросков на картоне, которые теперь стояли в углу его комнаты, будто бы давно позабытые, но, как оказалось, дожидавшиеся своего часа.

Леонардо отошел в угол комнаты, где у него лежали эскизы и наброски для картин, и, выбрав нужный картон, разложил его перед монахом.

– Это мать и дочь, – произнес Леонардо да Винчи, заметив некоторое недоумение, едва промелькнувшее на беспристрастном лице монаха. – Анна держит на коленях Марию, а Мадонна сжимает в объятиях Христа. Рядом можно нарисовать Иоанна Крестителя.

На картоне были запечатлены две взрослые женщины, обе невероятно красивые. Их природное изящество впечатляло, выглядело сказочным. Рука мастера, почти стерев возрастные границы, не позволяла понять, кто же из них старше, и только у одной из них, что держала на коленях другую, лицо было с более резкими чертами, находящееся слегка в тени, как бы тем самым делая ее несколько старше. Это была мать, святая Анна.

Возможно, что в обыденной жизни сцена, когда одна женщина держит на коленях другую, вызвала бы недоумение, выглядела бы странной, а то и смешной до крайности. Но на рисунке Леонардо две женщины, озаренные мягким утренним светом, смотрелись невероятно органично и не вызывали ничего, кроме восхищения.

– Боже мой, как они прекрасны! – невольно выдохнул монах слегка подсевшим голосом.

– Если вы не возражаете, я бы хотел нарисовать именно такую картину, – предложил Леонардо.

– Какие же у меня могут быть возражения? – воскликнул монах. Поднявшись, добавил: – Леонардо, я немедленно отправляюсь в дорогу, чтобы сообщить братьям о вашем согласии. Ну а вас мы ждем в самое ближайшее время.

* * *

Уже на следующий день в сопровождении трех помощников Леонардо да Винчи отправился в монастырь Благовещения. Встречал его сам настоятель монастыря – сухонький старик с гладко выбритым, потемневшим от старости и изрезанным глубокими морщинами лицом, отчего его кожа напоминала кору древнего дерева. В небольших серых глазах, запавших глубоко в глазницы, пряталась вековая мудрость и откровенный интерес, не растраченный даже в преклонном возрасте. Улыбнувшись беззубым ртом, монах просто произнес:

– Меня зовут отец Бернард, я настоятель этого монастыря. Для нашей убогой обители большая честь, что картину нам будет рисовать такой великий мастер.

Леонардо да Винчи, едва улыбнувшись, отвечал:

– Вы преувеличиваете мои способности, отец Бернард.

– Скорее всего, я не в полной мере их даже осознаю, – понизив голос, заметил игумен. – Рассказывают, что в любом деле, за которое вы бы ни брались, вы всюду достигаете совершенства. Признаюсь откровенно, мне бы хотелось убедиться в этом лично. Прошу вас, проходите. – Монах повел за собой гостей, слегка растерявшихся от столь приветливого приема. – Вы, наверное, устали с дороги, я скажу братьям, чтобы они вас покормили.

– Нам бы хотелось сначала увидеть стену, которую следует разрисовать, – настоял Леонардо.

– Вы бы немного потерпели, маэстро, – но, поймав взгляд Леонардо, поспешил поправиться: – Впрочем, как вам будет угодно. Пойдемте за мной к алтарю.

Через небольшой монастырский двор, выложенный диабазовыми плитами, прошли в помещение собора, поразившее своим великолепным убранством. У входа гостей встречала скорбящая Мадонна. Невольно попридержав шаг, Леонардо всмотрелся в лицо, застывшее в камне. В груди защемило – на него смотрела Цецилия Галлерани, которую он полюбил, когда служил при дворе герцога Сфорца. Впоследствии Цецилия вышла замуж за престарелого графа и родила четверых детей. Злые языки судачили о том, что к графу они не имеют никакого отношения в силу его полнейшей неспособности. После смерти престарелого супруга Цецилия Галлерани открыла салон, куда приглашала модных художников и писателей, и в кругу знати пользовалась немалым уважением.

Обернувшийся игумен заметил перемену, произошедшую в лице маэстро, но сделал вид, что ничего не заметил, – он прожил долгую жизнь и умел скрывать удивление, – кто знает, какие мысли потревожили Леонардо, взиравшего на прекрасный лик, запечатленный в камне.

– Вот здесь, – показал Бернард на небольшой прямоугольник белой стены высотой около двух с половиной метров и длиной не более трех.

Леонардо подошел к шероховатой стене, провел широкой ладонью по оштукатуренной белой глади и удовлетворенно кивнул:

– Стена ровная, не хуже холста. И штукатурку нанесли хорошо.

– Братья постарались, – сдержанно ответил игумен.

Тщательно промерив стену, Леонардо наметил контуры будущей экспозиции, делая при этом на небольших листках зарисовки фигур. Незаметно сгустились сумерки, при свете колышущейся свечи в самом центре стены он начертил лицо Младенца.

– Сначала мы сделаем эскизы. Я их вам покажу, возможно, у вас появятся какие-то пожелания, а после можно будет расписывать стену.

– Буду ждать с нетерпением ваших рисунков. А теперь прошу в трапезную.

После ужина настоятель выделил для мастерской просторную и хорошо освещенную комнату, где в праздничные дни проходили торжества. Леонардо приступил к рисованию эскизов.

Написание картины давалось ему легко. Очевидно, подобное состояние и называется вдохновением. Тщательно продуманные образы как будто бы сами просились на картон и благодаря умелой руке мастера выглядели одухотворенными, как будто бы отмеченными Божией благодатью. От работы Леонардо да Винчи отрывался лишь только для того, чтобы наскоро перекусить, глотнуть в монастырском дворе вольного воздуха и вновь с прежним воодушевлением взяться за работу.

Через две недели состоялся показ эскиза. В комнату для празднеств, ставшей для Леонардо на время мастерской, потянулись прихожане, рассчитывая увидеть нечто особенное. И когда они перешагнули комнату, то сполна были вознаграждены за ожидание. На картоне цветными карандашами были запечатлены две женщины. Одна – совсем юная Мадонна и вторая, пребывающая в расцвете своей красоты, – святая Анна. Мадонна потянула руки к Младенцу Иисусу, который крепко держал небольшого ягненка, лежавшего у его ног. Мальчик в ожидании поглядывал на улыбающуюся мать, взгляд которой был наполнен родительской любовью...

Анна, приобняв дочь за плечи, подняла вверх указательный палец правой руки, как если бы хотела поведать ей нечто важное. Женские фигуры были нарисованы в натуральную величину, и у каждого, кто взирал на эскиз, невольно возникало ощущение их присутствия.

– Вот это чудо! – произнес старик с широкой седой бородой. – Сколько живу на свете, но никогда не видел ничего подобного. – Понизив голос, добавил: – Так может нарисовать только Бог, – и, посмотрев на Леонардо, стоявшего немного в стороне, слегка смутившегося от сказанных слов, добавил: – Или тот человек, чьей рукой водит сам Господь.

Равнодушных не оставалось. Люди подолгу стояли перед эскизом, поражаясь точности линий и совершенству созданных образов. С окрестностей, услышав о невероятном рисунке, прибывал народ. Каждому хотелось лицезреть нарисованный эскиз.

Мастерская обезлюдела лишь поздним вечером, когда монастырские ворота скрипуче отсекли ходоков, желающих взглянуть на шедевр. Некоторое время посадские стояли перед воротами, уповая на милость вратников, но, натолкнувшись на несговорчивость, уныло потопали от крепостных стен, чтобы утром вернуться в монастырь.

Поздно вечером в келью к игумену вошел Павло.

– Посадских нет, святой отец, они ушли.

– Сами? – удивился игумен.

– Им ничего не оставалось делать, потому что мы закрыли монастырские ворота. Но даже после этого они не желали расходиться и упрашивали вратников, хотя бы на час продлить посещение.

– Вратники не уступили?

– Вы же знаете отца Николая, его невозможно уговорить. Он не сделал исключения даже для магистра, прибывшего из города, чтобы взглянуть на рисунок.

Губы игумена растянулись в довольной улыбке.

– Соглашусь. Легче уговорить камень, чем отца Николая. Картина действительно так хороша, как о ней говорят? – осторожно спросил игумен.

– О да, святой отец! – восторженно воскликнул монах. – Я в жизни не видел ничего более совершенного, чем этот рисунок.

– Что ж, мне не терпится взглянуть на него, – поднялся со стула настоятель. – Проводи меня, Павло.

Открыв перед настоятелем дверь, брат Павло факелом осветил дорогу.

– Проходите, святой отец!

Ярко-красные огненные сполохи растворили темноту, бросая длинные ломаные тени вдоль коридора, пуская облачка копоти к закопченному сводчатому потолку. Игумен подошел к двери и уверенно перешагнул границу света и темноты. Вот только отчего-то она была слегка размыта, как это бывает на границе добра и зла. Быстро зашагал по длинному узкому каменному коридору, освещенному ярко полыхающими факелами, закрепленными металлическими кольцами на грубой каменной кладке, и шагнул в комнату, где размещался рисунок Леонардо.

Более двухсот лет в этой комнате располагалась Священная инквизиция, съехавшая в монастырь Сан-Франческо четыре года назад. Последним инквизитором был доминиканец Петро из Вероны, прославившийся невероятной жестокостью и убитый перед воротами монастыря отцом одной из замученных жертв, обвиненных в колдовстве.

Уже через неделю инквизитор был объявлен церковью великомучеником, помпезно похоронен во дворе монастыря, и теперь к его мощам на церковные праздники прибывали толпы паломников. Воистину пути Господни неисповедимы!

Нахмурившись, Бернард подумал о том, что обвиняемых в ереси вели именно этой дорогой, по этому самому коридору, по которому он только что прошел. В отличие от него самого, ни одному из осужденных не дано было вернуться.

Три последующих года после переезда инквизиции в комнату продолжали стоять орудия пыток: дыба, занимавшая половину помещения (и сейчас на стенах от нее оставались металлические кольца); кобыла, размещавшаяся у решетчатого окна; на отдельном длинном столе лежали плети вперемешку со щипцами и клещами. Прежде чем приступить к пыткам, подсудимого подводили к столу с разложенными на нем колющими, рубящими и режущими инструментами, что, по мнению инквизиции, способствовало откровению самого убежденного еретика.

Новый инквизитор, присмотрев для Священного трибунала куда более просторное помещение, решил не брать прежних инструментов для пыток, обзавелся современным инвентарем, специально заказанным для новых стен. Старые, уже давно забытые орудия долгое время оставались в прежней комнате и наводили ужас на всякого, кто хотя бы случайно перешагивал порог бывшего инквизиционного зала. Монахи, украдкой крестясь, предпочитали как можно реже бывать в этой части коридора, словно бы опасались услышать сдавленный крик, пробивавшийся через плотно закрытые двери, или столкнуться с тенью погибших, неприкаянно шагавших по безмолвным коридорам.

Именно с одним из таких призраков старый Бернард повстречался три года назад, когда обходил кельи братии после полуночной молитвы, – в дальнем конце коридора он рассмотрел отчетливый силуэт женщины в длинном белом платье, поверх которого было накинуто позорящее одеяние – санбенито. То, что это было привидение, он не сразу даже осознал, – слишком отчетливы были черты ее одежды и лица. И только всмотревшись, вдруг со страхом обнаружил, что глаза у призрака были прикрыты. О своем видении настоятель никому не рассказал, убедив себя, что это всего лишь плод разгоряченного воображения. Однако знакомый силуэт повстречался ему уже на следующий день (практически в том же самом месте) после вечерней молитвы. Привидение вдруг стало двигаться в его сторону, заставив настоятеля замереть от ужаса, и, когда между ними оставалось расстояние всего-то в три шага, видение вдруг растворилось, как если бы его не было вовсе. Но во второй раз Бернард отчетливо рассмотрел на шее женщины удавку. И еще долго ему мерещилась невесомо раскачивающаяся веревка, едва ли не касаясь длинными с бахромой концами каменного пола.

С тех пор возникшее видение стало преследовать его в снах, заставляя просыпаться от ужаса, и однажды Бернард решил порасспрашивать жителей о белокурой девушке, подвергшейся приговору Святой инквизиции. К его немалому удивлению, скоро он отыскал очевидцев, знавших синьорину, приговоренную к сожжению. Ею оказалась дочь церковного художника, обвиненная в том, что зналась с дьяволом. По мнению церковных судий, только дьявол

мог подарить женщине столь большие и выразительные глаза, наполненные небесной глубиной, и только бес способен наградить девушку столь невероятным цветом волос, глядя на который мужчина забывает обо всем на свете, и голосом, якобы призывающим к любви...

Еще через три дня, сломленная пытками, синьорина призналась в том, что сожительствовала с дьяволом, что лукавый внушал ей сводить с ума мужчин, вводить их в блуд и нарушать христианские заповеди. Отлученная от церкви, приговоренная была передана светским властям для сожжения на костре. Бедный отец, лишившись единственной и горячо любимой дочери, умолил инквизитора на благодеяние – удушить дочь перед сожжением. На что тот милостиво дал свое соизволение.

Узнав правду о безвинно погибшей синьорине, настоятель в тайне от братии провел в комнате пыток очистительную молитву, надеясь тем самым навсегда успокоить ушедшие без покаяния души. Однако девушка продолжала его преследовать, встречаясь теперь едва ли не во всех коридорах монастыря. И тогда игумен, рискуя вызвать на себя гнев нынешнего инквизитора, повелел вынести орудия пыток из комнаты трибунала. На игумена, отдавшего столь дерзкое распоряжение, монахи взирали с откровенным изумлением и страхом, какой внушает человек, привязанный к столбу в центре эшафота. Бернард стоял в сторонке и наблюдал за тем, как монахи складывали в холщовые мешки клещи, щипцы, плети с кнутами, чтобы похоронить их под двухметровым слоем земли за стенами монастыря.

Монахи, опасаясь смотреть в мстительно скривившиеся губы Бернарда, груженные страшной поклажей, проскакивали мимо. Остановился лишь брат Павло, державший ворох плетей и заставивший невольно обратить на себя внимание игумена.

– Брат Бернард, – посмотрел он в сердитое лицо настоятеля. – Вы уверены, что поступаете правильно? Еще не поздно отменить свой приказ, сказать, что вы решили перенести орудия пыток в другую комнату.

– Не надо меня переубеждать, – отвечал настоятель.

Не пожелав объясняться, настоятель отвернулся и принялся рассматривать огромное серебряное распятие на противоположной стене.

– Инквизитору может не понравиться, – сдержанно заметил отец Павло.

– Ему много чего не нравится. – Криво улыбнувшись, добавил: – Уж не думаю, что за мой скверный характер он может отправить меня на костер.

Монахи, видно угадав, о чем может идти разговор, спешили скрыться в темноте коридора.

– Только за одни эти слова, брат Бернард, вы можете взойти на эшафот.

Настоятель задержал строгий взгляд на лице Павло, полным смирения, и ядовито спросил:

– А ты собираешься рассказать об этом Священной инквизиции?

Монах осуждающе покачал головой. Усмирив бурю, вспыхнувшую в карих глазах, спокойно, не повышая голоса, как и полагается богобоязненному монаху, отвечал:

– Я останусь с вами, брат Бернард... даже на костре. Но не отыщется ли кто-то другой, кто захочет сесть на ваше место?

– Уповаю на Божью волю, надеюсь, всевышний не оставит меня в своем заступничестве.

– Мне бы не хотелось собирать ваш пепел, брат Бернард, – произнес Павло и, поправив сползающий кнут, скрылся в темном коридоре.

Всю следующую неделю отец Бернард дожидался ареста: времени вполне достаточно, чтобы недоброжелатель сочинил донос, передал его в инквизицию, а она, прочитав, учинила следствие. С содроганием настоятель думал о том, что его могут поместить в секретную инквизиционную тюрьму: возможно, остаток дней ему придется провести закованным в цепи в каком-нибудь сыром подвале вместе с такими же обездоленными, как и он сам. Не случилось...

И теперь похороненные орудия пыток покоились среди мусора, и какой-то шутник из братии вколотил в это место толстую осиновую палку.

С того самого времени Бернارد ни разу не побывал в зале инквизиционного трибунала, – в последние месяцы здесь проходили праздничные торжества, – и теперь перешагивал комнату с внутренней дрожью. Двух женщин и Младенца, нарисованных в полный рост на картоне, стоявшем на двух стульях со спинками, Бернارد увидел на том месте, где прежде проходило колесование. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – он видит нечто выдающееся, чего не приходилось лицезреть прежде. Одна из двух женщин, та, что была постарше, заставила монаха приложить ладонь к груди – невыносимо защемило сердце.

Святая Анна была похожа на возлюбленную его юности, – расставшись с ней около пятидесяти лет назад, Бернارد более ее не встречал, навсегда сумев сохранить в памяти прекрасный образ. Сердце старика заколотилось так сильно, как если бы он только вчерашним вечером миловался с ней в саду ее батюшки.

Женщина была нарисована безукоризненно: такое лицо может быть только у ангела-хранителя, с легкой печалью в темно-серых глазах. Именно таковой она и была, вот только жаль, что истину суждено ему было понять лишь в преклонные годы. И вместе с тем это была невероятно красивая и соблазнительная женщина, каждый овал которой пленял воображение и запретно дразнил.

Настоятель завороченно стоял перед рисунком, потеряв счет времени, вводя в смятение брата Павло, находившегося подле настоятеля. Никогда ранее он не видел отца Бернарда столь взволнованным. Прежде ему казалось, что игумен не способен на проявление чувств, представлялся ему таким же безмятежным, как седые горы, – где-то внизу бушуют страсти, а они, пришедшие из вечности, лишь снисходительно взирают на человеческие слабости. Но за прошедшие несколько минут он увидел на его лице гамму чувств: от откровенного страха, отражавшегося в перекошенных губах, до любви. Вдруг отчего-то по-юношески блеснули потускневшие и выцветшие от возраста глаза. О чем же подумал старый Бернارد?

Наконец настоятель повернулся. Брат Павло невольно опустил глаза – теперь перед ним был прежний игумен: строгий и справедливый наставник, знающий цену оброненному слову; ревностный католик, которого уважали и побаивались.

– Что ты скажешь, брат Бернارد? – спросил Павло.

– Рисунок совершенен. – Нахмутив брови, продолжил: – Настолько совершенен, что в нем не отыщется даже мелкого изъяна... как и в женщинах, которые нарисованы. Такое создать способен только настоящий мастер. Признаюсь откровенно, я даже потерял счет времени, разглядывая рисунок. – Игумен явно осуждал себя за проявленную слабость. Наверняка после состоявшегося разговора наложит на себя изнурительную епитимию, которая еще больше иссушит его старческое тело. – Слаб человек! – перекрестил он желтый, изборожденный глубокими морщинами лоб. – Посмотри, как выписана женская плоть, – слегка возвысил голос игумен, и Павло показалось, как в черных глазах отца Бернарда заплескал крохотный бесенок. – Такой рисунок наводит только на греховные мысли. И вот представь себе, сын мой, если такая картина будет нарисована на алтаре. В таком случае все мысли братии будут направлены лишь на плотские желания, чего мы не можем допустить.

– Значит, ты откажешь Леонардо да Винчи? – Монах поднял удивленный взгляд на игумена.

– Мне придется это сделать. Он очень талантлив, его картины получаются слишком впечатляющими. Нам нужен художник не с таким талантом. Иначе с алтаря на братию будет взирать грех, реалистичная женская плоть будет отвлекать их от мыслей о Боге.

– А что же тогда делать с рисунком?

– Мы расплатились с ним за эскиз?

– Да, святой отец.

– Тогда нам нужно будет сжечь его эскиз! И чтобы никто более его не видел!

* * *

Леонардо да Винчи внимательнейшим образом осмотрел алтарь и нашел, что положение для картины было выбрано весьма удачно. Расчищенное место располагалось чуть выше уровня глаз и будет видно из любого места комнаты. Остается лишь немного поменять композицию, расположив Мадонну в самом центре. А справа будет Младенец Христос, поглаживающий ягненка. Подумав, Леонардо взял уголь и на белой стене отметил место для его головы и плеч.

Завтра можно будет начинать роспись.

При мысли об интересной работе настроение художника поднялось на несколько градусов, Леонардо пребывал в возбужденном состоянии, что совершенно не было заметно со стороны – его волнение выдавали лишь легкий румянец и некоторая резковатость в движениях.

– Маэстро, – прервал размышления Леонардо негромкий голос, прозвучавший за спиной.

Обернувшись, Леонардо увидел Павло, бывшего при настоятеле кем-то вроде секретаря.

– Слушаю тебя.

– Брат Бернард попросил меня сказать вам, что он отменяет свой заказ.

Брови Леонардо в недоумении взметнулись вверх, он даже не пытался скрыть своего удивления.

– Вот как... Ему не нужна на алтаре картина?

Монах опустил взгляд – говорить предельно откровенно с великим мастером, каковым являлся Леонардо, было невероятно трудно.

– Картина нужна...

– Тогда в чем же дело?

– Все дело в рисунке. Женщины на эскизе выписаны настолько реалистично и настолько прекрасно, что будут отвлекать монахов и паству от молитв, а своей красотой будут навевать им греховные мысли.

– Что ж, видно, я действительно не подхожу вашему монастырю, – после затяжной паузы нашелся с ответом Леонардо да Винчи.

– Маэстро, – смело посмотрел монах на Леонардо, – вы можете нарисовать похуже, и тогда настоятель примет вашу работу.

Леонардо да Винчи печально улыбнулся:

– Все дело в том, мой мальчик, что я не умею рисовать хуже, – отвечал маэстро и усталой походкой пошел к выходу.

Настроение, столь радужное какой-то час назад, улетучилось безнадежно – впереди его ожидала полнейшая неопределенность. Вот она-то и была тяжелейшим испытанием. Денег оставалось только на неделю, и в ближайшие дни придется заняться написанием портретов местной знати, чего Леонардо не хотелось. Чаще всего ему досаждали своенравные, богатые заказчицы, стремившиеся заполучить портрет, написанный самым знаменитым художником Италии. Процесс рисования порой превращался в настоящее испытание, навевал скуку – среди них не было ни одного прекрасного лица, каким обладала Джаневра да Бинчи; ни одна из них не могла похвастаться утонченностью, имевшейся у Цецилии Галлерани. Всего лишь напыщенные физиономии, спрятавшиеся за богатыми одеждами. Одной из таких была маркиза Изабелла д'Валиди – неприятная высокомерная особа с вялым подбородком и капризными губами. Уже который год то лестью, то уговорами, а то откровенными угрозами она добивалась от Леонардо, чтобы тот написал ее портрет. Он всякий раз отделялся от настырной дамы под разными благовидными предложениями, ссылаясь то на большую занятость, то на недомогание, а то на отсутствие нужных красок, достойных подчеркнуть ее природную красоту. Странное дело,

но Изабелла совершенно не замечала в словах Леонардо иронии и была настолько настойчива в своем желании получить от Леонардо портрет, что следовала за ним по Италии из одного города в другой. И сейчас, как никогда близко, Леонардо подступил к написанию портрета Изабеллы – пусть пока мысленно, – и увлеченно прикидывал, в какую сумму взбалмошная маркиза может оценить его работу.

Размышляя о невеселом, Леонардо вошел в мастерскую. Ученики тщательно растирали темно-красную киноварь, и минерал, оставшийся на их грубоватых руках, просыпавшийся на фартуки, выглядел сгустками спекшейся крови. В углу комнаты, по-хозяйски рассеявшийся за широким столом, сидел молодой человек в зеленом дорогом камзоле, отороченном золотом. Увидев вышедшего Леонардо, он почтительно поднялся и с доброжелательной улыбкой произнес:

– Господин Леонардо, рад приветствовать вас... я граф д'Барьтенья...

– Что вам угодно, граф?

Леонардо старательно изобразил нечто вроде любезности, разглядывая молодое и невероятно нахальное лицо гостя. Не самая подходящая минута для диалога, – еще один ненормальный, который во что бы то ни стало желал, чтобы его запечатлила рука Леонардо.

– У меня есть к вам предложение.

Правый уголок рта Леонардо пополз вверх, отчего его улыбка приняла асимметрию: заказчиков обоих полов, несмотря на различие их социального происхождения, а также разницу в возрасте, объединяло откровенное нахальство. Отчего-то все они убеждены, что он, Леонардо, только о том и мыслит, чтобы запечатлеть их на холсте. Впрочем, нынешняя ситуация отличается от прошедшего дня. Если молодой нахал заплатит ему хорошие деньги, так почему же не использовать его каприз в собственных целях.

– Готов вас выслушать, граф.

Подмастерья удивленно посмотрели на маэстро – неужели мастер готов пренебречь заказом настоятеля?

– Меня к вам направил герцог Чезаре Борджиа.

– Ах, вот оно что... Герцог хочет, чтобы я нарисовал его портрет? – невольно удивился Леонардо да Винчи.

Граф снисходительно улыбнулся:

– Вовсе нет. Сейчас идет война за территорию Романьи, и у герцога Чезаре большие шансы, чтобы сделаться властителем этих земель. Ему известно о ваших военных разработках, и он предлагает вам стать его личным архитектором и главным инженером. Что вы на это скажете, господин Леонардо?

В последние годы о герцоге Чезаре Борджиа говорили невероятно много. Он был один из восьми незаконнорожденных детей папы Александра Шестого, поразительнейшим образом унаследовавший не только его внешность, но и характер – несдержанный, жестокий... Не умеющий прощать, не терпевший возражений, – он держал в страхе все герцогство. Его ненависть к врагам порой граничила с помешательством, от его гнева невозможно было ни убежать, ни укрыться. Любил он столь же увлеченно и щедро одаривать за преданность – землями, замками – своих приближенных. Обладая феноменальной памятью, герцог помнил каждого солдата по имени, так что не было ничего удивительного в том, что воинство готово было сложить головы в угоду его имени.

Александр Шестой семнадцатилетнего Чезаре сделал кардиналом, полагая, что когда-нибудь передаст ему папский престол. Однако вскоре осознал, что подобное решение было непродуманным, – не знаящий удержу в страстях, тот в короткий срок сумел ополчить против себя большую часть кардиналов. Пренебрегая замечаниями отца, всегда носил с собой кинжал, пуская его в ход при малейшем намеке на оскорбление. А однажды при многих свидетелях и в присутствии Александра Шестого заколол своего врага, пренебрежительно отозвавшегося о

его церковных деяниях. При этом кровь, брызнувшая из груди смертельно раненного, обагрила папскую одежду. Очень скоро Александр Шестой освободил любимого сына от всех церковных обетов, осознав, что тот не создан для служения церкви. И решил сделать его властителем герцогства Романьи, на которую Ватикан имел немалые права. Ни в страстях, ни в любви не знавший удержу, Чезаре напоминал огромный полыхающий костер, и всякий, кто приближался к нему слишком близко, рисковал сгинуть в его пламени.

– Я согласен, – вдруг сказал Леонардо да Винчи.

Подмастерья удивленно взирали на маэстро, отставив в сторону ступы с растертыми красками.

– Прекрасно! Почему-то я так и полагал, что вы примете предложения Чезаре Борджиа. Когда вы намерены выезжать? – по-деловому осведомился граф.

– Полагаю, что завтра. – Глянув в оконную темень, Леонардо тотчас поправился: – Вернее, уже сегодня.

– Уверю вас, маэстро, вы не разочаруетесь. Герцог Чезаре умеет награждать тех, кто ему преданно служит. Впрочем, обид он тоже не забывает. А теперь позвольте, синьоры, откланяться, мне нужно торопиться в дорогу, я обязан немедленно сообщить своему господину радостную весть. Хочу сказать вам, Леонардо, Чезаре очень рассчитывает на вашу помощь.

Едва кивнув на прощание, граф решительным широким шагом направился к двери, унося за собой запах сапожного крема.

– Маэстро, вы решили принять предложение Чезаре? – удивленно спросил Салаино.

– Да, как видишь.

– У него не самая хорошая репутация, говорят, что он очень жесток и невероятно коварен.

– Салаино, у нас нет другого выбора, – мрачно признался Леонардо, опускаясь на стул, на котором только что восседал граф. – Настоятель сказал, что наша картина на алтаре ему не нужна, – печально улыбнулся Леонардо да Винчи.

– Ему не понравился ваш рисунок? – спросил пораженный ученик.

– Скорее всего, наоборот. По его словам, рисунок слишком хорош для его монастыря. А теперь нам нужно как следует отдохнуть. Завтра нас ожидает долгая дорога.

Глава 3

Неожиданный заказчик

МАРТ 1911 ГОДА. ПАРИЖ.

Михаил Голицын родился в знатной княжеской семье, корни которой уходили к самому Юриюку... По замыслу отца, Михаил должен был продолжить семейную традицию – стать кадровым военным, и непременно в лейб-гвардии. Однако честолюбивым планам не суждено было сбыться: после дуэли с ротным командиром Михаил вынужден был подать в отставку. Последующие несколько лет, освободившись от опеки папеньки, Михаил Голицын вел бесшабашную жизнь: кутил, играл в карты, заводил романы с актрисами императорского театра, а потом неожиданно для себя всерьез увлекся рисованием (хотя способности к этому делу у него проявлялись и раньше). Разъезжая по Европе, он стал брать уроки живописи у известных итальянских художников и вскоре прослыл весьма искусным копиистом. Вскоре ему пришла идея копировать полотна известных мастеров эпохи Возрождения и выдавать их за подлинники. От желающих приобрести артефакты не было отбоя, и за два года он сумел выправить и увеличить свое состояние...

Вместе с рисованием Михаил Голицын заразился страстью к собирательству и принялся приобретать полотна живописи итальянской и голландской школы, считая их эталоном совершенства. А вскоре он вошел в число крупнейших коллекционеров Европы. Именно в это время ему пришла идея составить каталог произведений искусства крупнейших коллекционеров, проживавших по всей Европе. Коллекции некоторых из них, весьма состоятельных банкиров и капиталистов, могли соперничать с собраниями иных государственных музеев. За разумный процент Голицын стал продавать некоторые сведения о коллекционерах домовникам, специализирующимся на живописи, а нередко и сам выступал посредником между заказчиком и исполнителем. А вскоре, под именем граф Воронцов, он организовал собственную группу, которая весьма удачно поживилась картинами фламандских мастеров из личной коллекции Прусского королевского дома, а также из музея Сент-Джеймского дворца, где было украдено две картины Рембрандта и одна несравненного Джованни Беллини. Впрочем, это было только начало. В последующие пять лет Голицын наведалься в полусотню музеев и ни разу не выходил из них без дорогой поклажи. И вот четыре месяца назад от Николая Зосимова, от одного из самых авторитетных собирателей России, князь получил неожиданный заказ: выкрасть «Мону Лизу»! Поставленная задача поначалу показалась Голицыну нереальной. Но, прокатившись в Париж, он отыскал слабое место в охране и тотчас начал готовиться к выполнению своего замысла. Сначала следовало сделать копию «Моны Лизы», а потом, оставшись в Лувре на ночь, поменять ее на подлинник. Вот только вскоре выяснилось, что «Мона Лиза», кроме господина Николая Зосимова, интересуется еще одного человека – банкира Джона Моргана. А уж этот человек не любит отказывать себе в удовольствиях. Прежде чем приступить к столь серьезному делу, следует знать о потенциальных соперниках все, и в первую очередь предстояло вывести, кому он поручил свой заказ.

Князь Голицын соскочил с пролетки и, небрежно помахивая тонкой, будто бы игла, тростью, направился во флигелек, крепко прилепившийся к массивному помпезному зданию с колоннами. Вошел в небольшое помещение, которое вполне можно было бы назвать убогим, если бы не дорогие обои на стенах и не громоздкий стол из красного дерева, занимавший едва ли не половину помещения. На стуле, оперев локти в полированную поверхность, слегка шурясь, попыхивал сигарой худой мужчина в темно-коричневом сюртуке.

– Я граф Воронцов, – понизив голос, представился Голицын. – А вы, полагаю, частный сыщик Дюваль Морис.

– Именно так, ваше сиятельство, – с видимым равнодушием отвечал Дюваль. Привстав, он пожал протянутую руку графа. – Присаживайтесь.

Поблагодарив, Голицын сел, закинув ногу за ногу. Дюваль невольно задержал взгляд на одежде клиента, подобранной с большим вкусом. Сюртук был английского покроя. Верхняя пуговица намеренно расстегнута, и через распахнутый ворот просматривался галстук, повязанный крупным узлом. Брюки из мягкой шерсти заужены книзу, а на ногах узкие кожаные штиблеты с тонкой подошвой.

– У меня будет к вам необычный заказ, – произнес клиент, пытливо посмотрев на хозяина сыскного агентства.

– Говорите смелее, меня уже трудно чем-либо удивить, – подбодрил Дюваль.

– Что ж, это упрощает задачу. Вы знаете банкира Джона Моргана?

– Хм... Шутить изволите, месье, – положил Дюваль на край стеклянной пепельницы сигару. – Полагаю, что вряд ли отыщется человек, не слышавший о нем. Банкир, меценат, фабрикант, а еще очень страстный коллекционер предметов искусства.

– Вы довольно точно охарактеризовали его портрет. Мне нужно знать о некоторых частных контактах Джона Моргана.

Его собеседником был невероятно худой мужчина, состоявшийся, казалось, из одних углов. Даже при рукопожатии возникало ощущение, что поцарапаешься в кровь о его костистые ладони. На узком лице между широко поставленными глазами, отчего взгляд казался более пристальным, горбато торчал крупный нос, а под губами, настолько узкими, как если бы их не было вовсе, аккуратным ежиком пробивались темные усики.

– Задача не из легких, – натянута на скулах кожа проявила острые углы.

– Я это понимаю. Поэтому я здесь. Мне известно, что такая задача вам по силам, не буду вдаваться в детали, но я наводил о вас справки.

– Она не из легких даже в чисто техническом плане, – добавил Дюваль. – У Моргана очень большой круг общения.

– Мне не нужны люди, с которыми он встречается на официальных мероприятиях. Кроме банкиров и заводчиков, там никого не встретишь. Меня интересует тайная сторона его жизни, не освещенная юпитерами, о которой известно только его ближайшему окружению.

– Обрисуйте, что конкретно вас интересует?

– Меня интересует человек, который зайвится к нему в особняк в полнейшем одиночестве. Возможно даже, тайно, инкогнито, если хотите. А потом уйдет через черный ход, чтобы его невозможно было выследить. – Обезоруживающе улыбнувшись, продолжил: – У меня должна состояться помолвка с племянницей господина Моргана...

– Примите мои поздравления, граф.

– Пока еще рано поздравлять, обнаружилось немало людей, кто хотел бы ее расстроить. В моем окружении есть человек, который докладывает ему о каждом моем шаге. Кто он, я не знаю, но намерен его вычислить с вашей помощью.

Тонкая губа детектива неприязненно дрогнула, отчего усики обломились в неровную дугу.

– Вот даже как... А вы не думаете о том, что господин Морган захочет встретиться с ним вне своего дома?

Князь Голицын отрицательно покачал головой:

– Исключено! Как вы это себе представляете? Мультимиллионер будет встречаться с ним где-то в тенистом бульваре на лавочке, так, что ли? Назначать встречи в гостинице или в учреждении тоже не его стиль. А потом там могут просто подслушать. Он пригласит этого человека в то место, где будет чувствовать себя в полнейшей безопасности. Морган очень осторожен, ему нет смысла ссориться с моей семьей, она ведь тоже достаточно влиятельна. В Сибири у нас золотые рудники... И господин Морган рассчитывает включиться в этот бизнес.

- Кажется, я понимаю вас. Когда прикажете приступить к наблюдениям?
- Признаюсь вам откровенно, начинать нужно было уже вчера.
- Надеюсь, что еще не поздно.
- Я должен знать все о том человеке, с которым он встретится: кто он такой, как его зовут, где он проживает и чем занимается. А уж он выведет меня к человеку из моего окружения.
- Работы много. Мне нужно будет подключить своих помощников, господин Воронцов, – произнес частный агент.
- Хорошо, увеличиваю ваше вознаграждение вдвое! Если это будет действительно тот человек, который меня интересует, то вы получите еще столько же.
- Условия меня устраивают, – серьезно объявил Дюваль Морис.
- Когда мне ждать первых результатов?
- Полагаю, что где-нибудь через неделю.
- Что ж, позвольте откланяться. Я объявлюсь у вас с первыми результатами.

* * *

После завершения военной карьеры в драгунском полку Дюваль Морис шесть лет проработал в сыскной полиции Марселя, где сумел добраться до заместителя префекта. Потом, неожиданно охладев к государственной службе, он решил организовать собственное частное розыскное бюро, рассчитывая преуспеть. Именно с этой целью он перебрался в Париж – город роскоши, забав, развлечений, бесконечных желаний, которые, как известно, зачастую соседствуют с преступлениями. Пригласив в помощники двух бывших сослуживцев, Дюваль Морис рьяно взялся за работу частного сыщика, получая от влиятельных людей весьма значительные заказы. Уже через год успешной работы он почувствовал себя вполне обеспеченным человеком и даже располагал собственным выездом из тяжелой кареты и четырех лошадей вороной масти.

Правда, нынешнее сыскное дело было во многом скучноватым и по большей части ограничивалось семейными драмами, самыми отягчающими из которых была супружеская измена. Его клиентами были люди состоятельные, и денег на тайну следствия не жалели.

Весьма интересным заказчиком был господин Воронцов (со своей стороны Дюваль навел о нем справки), прославивший в Париже невероятным гулякой и дамским угодником. Человек весьма состоятельный, выписывающий с Волги на ужин живую стерлядь, доставлявшуюся ему железнодорожным путем в огромных дубовых бочках. Но даже он, с его огромными возможностями, был карликом в сравнении с могуществом Джона Морган, на которого работала целая армия сыщиков и чье личное состояние равнялось бюджету двух десятков европейских стран, а его банковская империя вольготно расположилась по обе стороны Атлантического океана. Морган был невероятно влиятелен и опасен. Вряд ли во всем Париже отыщется еще один ненормальный, рискнувший следить за великим Джоном Морганом. Впрочем, так даже интереснее.

Выслушав предложение господина Воронцова, Дюваль Морис понял, что не сумеет устоять перед новым рискованным делом, – уж очень хотелось заглянуть в акулю пасть банкира. Господин Морган вполне подходящая кандидатура, чтобы бросить судьбе очередной вызов.

* * *

Все произошло примерно так, как и предсказывал господин Воронцов. На третьи сутки ожидания к парадному подъезду подошел невысокий худощавый брюнет около тридцати пяти лет с тонкими щеголеватыми усиками на капризной губе. Остановившись на противоположной стороне улицы, Дюваль Морис некоторое время внимательно осматривал внушительный особ-

няк магната, как если бы намеревался его купить, а потом решительно направился к парадному входу, прямиком к вышедшему швейцару с огромной русой бородой.

Из кареты, что Дюваль Морис выбрал для своего наблюдения за домом, прекрасно было видно лицо швейцара, преисполненное необыкновенной важности. Его легко можно было бы принять за хозяина великолепного особняка или распорядителя, если бы не золоченая ливрея...

– Абдель, покарауль здесь, я присмотрю за запасным выходом.

– Хорошо, месье Дюваль, – охотно отозвался помощник.

Абделю было немногим более двадцати. Дважды он пробовал поступить в полицию, но всякий раз в сыском отделе находили причину для отказа. И юноша нашел себя в частном сыском бюро Дюваля Мориса в качестве помощника. Надо было признать, что у парня к розыску был определенный талант. Обладая неприметной внешностью, будучи невероятно артистичным, он способен был проникнуть в самые труднодоступные места. При надобности мог открыть дверь отмычкой, пролезть через форточку и отыскать улики там, где, казалось, их не должно быть. Его старания нередко граничили с противозаконностью, однако подобный риск приносил свои плоды, и некоторые дела, поначалу казавшиеся совершенно бесперспективными, вдруг раскрывались в считанные часы.

Однажды, чтобы отыскать компрометирующие улики одного из супругов, парню пришлось спуститься по дымоходу в зал, а в другой раз Абдель вынужден был провести три часа под кроватью в то самое время, когда неверная супруга развлекалась со своим любовником. При этом пружины так яростно раскачивались и вжимали его в пол, что в какой-то момент ему казалось, что кровать просто рассыплется по дощечкам и раскроет его инкогнито. Однако обошлось без приключений, и обманутый супруг получил исчерпывающие доказательства лицемерности своей женушки, за что сыское агентство обогатилось дополнительно на пятьсот франков. Так что в своем деле Абдель был весьма расторопным малым, а в отдельных случаях просто даже незаменимым.

Ждать пришлось недолго. Через полтора часа двери черного хода распахнулись, и на брусчатку вышел тот самый худощавый брюнет с тоненькими усиками. Правда, в этот раз на нем был сюртук темно-синего цвета, а вместо низенького котелка высокий цилиндр. Дюваль Морис невольно хмыкнул: видно, господину Моргану есть чего опасаться, если он принуждает гостей к подобному лицедейству.

Стараясь держаться в тени, Дюваль Морис вернулся в карету. Приоткрыв пошире занавеску, он увидел, как брюнет направился в сторону стоянки извозчиков, расположенной на пересечении улиц. Выбрав открытый экипаж, он некоторое время о чем-то разговаривал с кучером, одетым в черный фрак, а после того как тот согласно качнул кудлатой головой, лихо запрыгнул в экипаж и, удобно разместив свое тело на мягких подушках, закурил сигарету.

– Погоняй за тем малым, – сказал Дюваль Морис.

– Слушаюсь, месье!

– Смотри поосторожнее, чтобы не заприметил. Держись на расстоянии.

– Не впервой, господин Морис, – заверил Абдель и энергично тряхнул поводьями.

Еще через двадцать минут открытый экипаж остановился на одной из улочек Монмартра, у пятиэтажного дома с высокими мансардами. Надо полагать, что с этой части склона наблюдался великолепный вид на набережную Сены. Видно, господин в черном цилиндре невообразимый романтик, – его легко представить сидящим на балконе, выкуривающим толстую сигару и с мечтательным видом поглядывающим на поверхность реки, багровую от лучей заходящего солнца. По сыскому опыту Дюваль Морис знал, что именно такой тип людей способен на самое изысканное преступление.

Что же будет на этот раз?

Расплатившись с кучером, брюнет ловко соскочил с кресел и скорым шагом направился к парадному подъезду с высокой резной дверью. Подождав, пока фигурант скроется в глубине здания, Дюваль Морис направился следом – степенно, со значением, как и положено жильцу дома.

Выждав несколько секунд, он потянул на себя медную ручку. Слегка скрипнув, дверь подалась, и из глубины образовавшегося проема дохнуло жилым теплом. По металлической лестнице гулко постукивали подковки, указывая направление. Стараясь не шуметь, Дюваль Морис зашагал следом. Брюнет остановился на третьем этаже напротив двадцать третьей квартиры, порывшись в карманах, вытащил плоский английский ключ и, отомкнув замок, скрылся за дверью. Мышеловка захлопнулась, теперь остается только караулить.

Нужно узнать об этом человеке как можно больше. Дюваль Морис не мог отделаться от ощущения, что когда-то видел его прежде. Вот только не мог припомнить, когда и где именно. За долгие годы службы в полиции через него прошли сотни уголовников разных мастей, рецидивистов, убийц, на каждого из них он составил изрядное досье с фотографическими карточками, антропологическими данными и отпечатками пальцев. Не однажды собранные досье помогли ему в раскрытии преступлений, совершенных в других регионах Франции, и вот теперь он рассчитывал, что картотека пригодится ему вновь.

Спустившись на первый этаж, Дюваль Морис подошел к доске объявлений и отыскал номер квартиры управляющего, расположившегося на первом этаже. Позвонив в дверь, Дюваль Морис стал ждать ответа. Через минуту дверь распахнулась, и он увидел крупного мужчину с представительной внешностью, какая обычно бывает у отставных военных...

Дюваль Морис едва улыбнулся:

– Месье, вы управляющий?

– Да. Что вам угодно?

– Я из почтовой службы. В двадцать третьем номере живет господин Мурино?

– А что такое?

– Дело в том, что мы дважды отправили на его имя извещение забрать посылку, но он почему-то не приходил. Я поднимался к нему, но у него закрыто.

– В двадцать третьем номере живет месье Винченцио Перуджи, – громко сказал управляющий, колыхнув на подбородке складками кожи.

– Ах, вот оно что, – озабоченно протянул Дюваль Морис, – теперь понятно, почему он не приходит. Прошу покорнейше меня извинить.

– Ничего, – буркнул управляющий, – обращайтесь, если что.

В знак прощания, коснувшись пальцами полей шляпы, Дюваль Морис заторопился к выходу.

Кто же вы, господин Винченцио Перуджи?

– Куда едем, господин Морис? – спросил помощник.

– Вот что, Абдель, давай гони к дому, – сказал Дюваль, опускаясь на мягкие подушки. – Хватит с меня на сегодня приключений.

– Как скажете, господин Морис... Но... Чего застоялась! – поторопил лошадь повеселевший Абдель.

* * *

Будучи скрупулезным в своей работе, Дюваль Морис собирал досье на всех преступников, с которыми когда-то, пусть даже косвенно, его связало расследование. Таких знакомцев набралось несколько сотен, собранные дела заполнили весь комод и значительную часть шкафа.

Картотека на букву «П» помещалась в верхнем ящике стола. Аккуратно перебрав пальцами листки бумаги, он отыскал картонную карточку, где черными чернилами крупными печатными буквами было написано «Винченцио Перуджи». Здесь же около десятка страниц, исписанных убористым аккуратным почерком, на которых три оперативных источника рассказывали о совершенных им грабежах. Фотографии не было, но имелись антропологические данные, позволявшие провести идентификацию. Данный метод был основан помощником писаря Альфонсом Бертильоном и заключался в том, что размеры костей у взрослого человека остаются неизменными и отличаются соматическими признаками от всякого другого человека. Увидев Винченцио Перуджи, он мог приблизительно сказать, какова длина его предплечья, какой формы была голова; ширину скуловой кости; мог достоверно сказать, какого он был роста, а также длину ног и рук. Параметры, занесенные в его досье, вполне соответствовали увиденному. Следовательно, в двадцать третьей квартире находился не кто иной, как Винченцио Перуджи.

Сложность расследования заключалась в том, что этот человек ни разу не был привлечен к уголовной ответственности. Его задержали лишь однажды – на квартире у скупщика краденного, но, приняв за случайного человека, вскорепустили. Однако дотошный инспектор на всякий случай обмерил его антропологические данные, а уже неделей позже было установлено, что у них в руках был один из крупнейших домушников южной Франции по прозвищу Угорь. Весьма характерное прозвище! Ведь его так и не сумели впоследствии задержать, всякий раз, подобно угрю, он умело ускользал из расставленных ловушек. Осведомители, внедренные в уголовную среду, докладывали о том, что взломы на виллах Лазурного побережья, облюбованного крупнейшей французской буржуазией, также дело его рук. Вскоре знаменитый домушник пропал, о нем ничего не было слышно, несмотря на усилия, предпринимаемые Дювалем. Поговаривали, что Винченцио Перуджи зарезали в одной из массовых драк на окраине Марселя. И вот теперь выясняется, что он перебрался в Париж, где для его криминального таланта было куда больше возможностей, чем в портовом провинциальном Марселе. Теперь он работал под покровительством самого господина Джона Моргана.

Задвинув ящик стола, Морис Дюваль криво улыбнулся: весьма интересный тандем! О расследовании оставалось доложить господину Воронцову. И получить обещанные премиальные.

* * *

Внимательно выслушав доклад Мориса Дюваля, граф Воронцов лишь сдержанно кивнул, а потом вдруг спросил, глядя прямо ему в глаза:

– Вы уверены, что не ошиблись?

– Сомнений быть не может, – твердо проговорил Дюваль. – Антропологические данные совпадают полностью. Сравнением мне приходилось заниматься и прежде... Это именно тот человек. А потом это так похоже на господина Перуджи. Когда я служил инспектором полиции в Марселе, то мне и раньше докладывали о его многочисленных проделках, вот только не представлялось случая припереть его к стенке. Он невероятно хитер, продумывает свои дела до мельчайших подробностей. И самое главное, никому не доверяет. Никто даже толком не мог сказать, как он выглядит, он часто меняет внешность, представляется под разными именами, и то, что он оказался в полицейском управлении и с него сняли антропологические данные, большая полицейская удача!

– На что же он способен?

– На многое! Он выполняет лишь самые сложные и крупные кражи, причем всегда за очень приличные деньги. Его прозвище Угорь говорит само за себя. Он никогда не попадается!

Вот только я никак не могу понять, как это связано с вашей предстоящей помолвкой, граф? – Дюваль хитро посмотрел на Голицына.

– Мне бы это самому хотелось знать. Вы проделали хорошую работу, господин Морис. Продолжайте наблюдать за ним и дальше. И вот возьмите вознаграждение, – отсчитал Голицын три сотни франков.

– О! Вы невероятно щедры, ваше сиятельство. Могу лишь только пожелать, чтобы ваша помолвка благополучно завершилась, – взял деньги Дюваль.

* * *

Последующие три месяца Михаил Голицын под именем Луи Дюбретон копировал в «Квадратном салоне» Лувра картину «Мона Лиза». В тот самый день, когда князь намеревался подменить «Мону Лизу» на копию, не без гордости думая о том, что ему удалось перехитрить господина Моргана, полотно вдруг было украдено из Лувра. Поначалу Голицыну подумалось, что картину просто отдали на реставрацию или на фотографирование (в Лувре намечались торжества по случаю юбилея музея, и администрация готовила фотоальбом с выдающимися картинами), но, когда выяснилось, что в Лувре «Мона Лиза» отсутствует, князь тотчас предположил, что она находится в руках господина Винченцио Перуджи. При той шумихе, что поднялась вокруг пропажи картины, вряд ли Перуджи осмелится передать ее господину Моргану. Шумиха, поднятая вокруг кражи картины, должна улечься. Не исключено, что «Мона Лиза» просто находится у него дома где-нибудь в чулане и дожидается того дня, когда можно будет выбраться на белый свет. А значит, самое время, чтобы нанести Перуджи визит.

Глава 4

Желанный трофей

КОНЕЦ АВГУСТА 1911 ГОДА. ПАРИЖ

Карета, мягко амортизируя дутыми шинами по грубоватой брусчатке, помчалась по Луврской набережной. Свернула за угол дворца, оставив за спиной мост Александра Второго, и устремилась к подножию Монмартра. Полотно «Мона Лиза», обмотанное вокруг тела, мягко похрустывало при каждом движении. Усмехнувшись, Винченцио Перуджи подумал о том, какой переполох поднимется в музее, когда, наконец, все станет ясно, что картину украли. Очень бы хотелось посмотреть на лицо господина директора.

– Останови! – распорядился Перуджи.

Возчик послушно натянул поводья и в ожидании посмотрел на пассажира.

– Вот тебе, любезный, – протянул Винченцио десять франков.

Губы парня расплзлись в довольной улыбке, это было значительно больше того, на что он рассчитывал.

– Спасибо, месье, – отвечал кучер, быстро упрятав деньги в карман сюртука. – У вас, наверное, сегодня хороший день.

– Можно сказать, что и так, – сдержанно согласился Перуджи, стараясь не показать радости, распиравшей грудную клетку.

– Если вы надумаете совершить поездку, так я всегда к вашим услугам.

– Хорошо, – легко согласился Перуджи, вставая, и тотчас почувствовал, как холст на животе слегка смялся. – Я знаю, где тебя найти.

Взмахнув плетью, извозчик погнал лошадок. Дождавшись, пока экипаж свернет за угол, Винченцио Перуджи направился к своему дому на улице Госпиталя Сен-Луи, расположенного в четырех кварталах. Если вдруг на него каким-то образом удастся выйти полиции, так они будут искать его в другом районе. Проходя мимо госпиталя, он обратил взор на распятие, укрепленное на фасаде, и мысленно поблагодарил за удачное осуществление намеченного дела. Самое опасное оставалось позади, впереди лишь одни приятности – получение обещанных денег и желанный отдых.

Винченцио Перуджи уже давно хотел завязать с опасным ремеслом: накопленных денег вполне хватало на безбедную жизнь и на небольшой домик где-нибудь близ Неаполя. Так что на ближайшее десятилетие он смотрел с большим оптимизмом.

Уже подходя к дому, он еще раз обернулся: вокруг не было никого, кто хотя бы отдаленно напоминал филера. Он видел спешащих прохожих, снующие экипажи, разодетые молодые пары, которым не было до него никакого дела...

Убедившись в безопасности, Перуджи вошел в подъезд и поднялся в свою небольшую каморку. Сняв сюртук, размотал с туловища картину и аккуратно положил ее на кровать. Вдруг он поймал себя на неожиданной мысли – расставаться с картиной было жаль. На «Мону Лизу» приятно было смотреть и осознавать, что владеешь столь совершенной работой.

Уложив холст под матрас (так оно будет понадежнее), он достал открытку с изображением «Моны Лизы» и аккуратно поставил ее на стол. Самое время, чтобы отметить прибыльное дельце рюмкой крепкого бурбона. Достав из шкафа коллекционную бутылку, он установил ее рядом с открыткой.

Неожиданно в дверь раздался негромкий стук. Винченцио Перуджи посмотрел на часы. До назначенной встречи с Гарри, секретарем Моргана, оставалось около двух часов. Что за нетерпение? Господам американцам невтерпеж заполучить шедевр.

Отодвинув щеколду, Винченцио открыл дверь – на пороге, к его немалому удивлению, стоял молодой мужчина и смущенно улыбался.

– Прошу меня покорнейше извинить, но не вы ли будете господин Перуджи?

Винченцио невольно нахмурился. Не самое благоприятное время для разговоров. Следовало как можно побыстрее спровадить неожиданного визитера – не исключено, что скоро заявится секретарь.

– А в чем, собственно, дело? – не спешил Винченцио впускать гостя в комнату.

– Знаете, у меня к вам весьма деликатное дело, – понизив голос, проговорил незнакомец. Показав рукой на длинный коридор с узкими многочисленными дверьми по обе стороны, за которыми могли затаиться соседи, продолжил: – Мне бы хотелось переговорить с вами наедине, – приложил он палец к губам.

Добродушный незнакомец с улыбающейся физиономией опасений не внушал. Немного поколебавшись, Перуджи произнес:

– Проходите... Надеюсь, что это не займет много времени, – в конце концов, это его ни к чему не обязывает, и он всегда может выставить его за дверь. – У меня много дел.

– Что вы? Я вас надолго не задержу.

Гость прошел в комнату, сняв с головы высокий цилиндр из шелковой ткани, аккуратно повесил его на крюк. Заметив открытку «Моны Лизы», лежавшую на столе, восторженно произнес:

– О, месье Перуджи! Вы интересуетесь искусством? – Взяв открытку в ухоженные, но очень крепкие ладони, в которых легко можно было представить как пистолет, так и шпагу, он некоторое время рассматривал портрет, после чего спросил: – Не правда ли, она хороша!

– Возможно... Послушайте, вы хотели мне что-то сообщить, – не скрывая раздражения, произнес Винченцио, – так я вас слушаю.

Гость бережно положил открытку на стол и рассеянно произнес:

– Ах да, конечно! Господин Аламбер... Ничего, если я вас так буду называть?

Винченцио невольно сглотнул, под этим именем он был известен в Марселе. От незнакомца веяло крупными неприятностями.

– Кто вы такой, черт вас возьми? – прохрипел Перуджи. – И что вам от меня нужно?

– Ничего, если я присяду? – деликатно спросил незнакомец и, не дожидаясь разрешения, придвинул к себе стул и удобно расположился за столом. – А то, знаете, как-то неудобно разговаривать стоя. Вы тоже садитесь, господин Перуджи. Есть такая пословица – в ногах правды нет. Что-то мне подсказывает, что наш разговор затянется.

Винченцио Перуджи устало опустил на стул. Теперь его благополучие держалось на тонкой ниточке. «Неужели он из полиции?»

– Вы расслабьтесь, господин Перуджи, я пришел к вам с самыми добрыми намерениями. Никто не собирается выкручивать вам руки. Разве что полицейские... Ха-ха-ха! – И, заметив, как Винченцио еще более напрягся, продолжил примиряюще: – Вам ничто не грозит. Я просто хотел поинтересоваться, куда вы подевали «Мону Лизу»? Вы случайно не под кроватью ее держите? Я бы посоветовал вам припрятать ее как можно понадежнее. А то придут полицейские, обнаружат ее у вас под матрасом и тогда посадят на очень длительный срок. Что вы тогда будете делать?

– Не знаю, как вас там... величать. Вы меня принимаете за кого-то другого, – уверенно отвечал Перуджи.

– Bravo! – слегка похлопал в ладоши незнакомец. – Следует поаплодировать вашему самообладанию. Не многие способны на такое. Но прежде чем заявиться в ваши хоромы, я собрал о вас весьма приличное досье.

– И что же вы там нарыли?

– Извольте! Родом вы из Италии, из Флоренции. Именно там вы совершили свою первую кражу со взломом. Некоторое время вы работали в одиночестве, пока вас не заприметил дон Себастьяно. С этого времени ваши ограбления стали носить систематический и осмысленный

характер. Действовали вы всегда по наводке, забирали все самое ценное, не размениваясь на мелочи, ограбления происходили практически без осечек. Вы сумели сколотить даже небольшое состояние. Однако потом вам не повезло. По наводке дона Себастьяна вы решили ограбить виллу господина Беррокко. Но в его доме оказалась вооруженная охрана. Ваших двух приятелей просто изрешетили на месте, а вам удалось скрыться. Вы так быстро уехали из города, опасаясь преследования, что даже не прихватили с собой всего накопленного богатства. Наверняка оно и сейчас находится где-то во Флоренции, закопанное в каком-нибудь тенистом саду под дубом. Этот человек был настолько влиятельным, что дона Себастьяна зарезали уже на следующий день. Что он вам заказал украсть, Рафаэля? Караваджо?

Перуджи угрюмо молчал.

– Впрочем, это неважно. Вы поняли, что ваши дела весьма скверны, и решили от греха подальше уехать из Италии. Сначала вы проживали в Марселе, занимаясь тем, что вы так хорошо умеете, а именно совершая кражи в квартирах, а потом перебрались в Париж. Но в этот раз вы поступили более благоразумно, работали всегда в одиночку, новых знакомств не заводили и всегда использовали свои старые проверенные связи. Именно эти люди были вашими основными заказчиками. За годы, проведенные в Париже, вы прекрасно научились разбираться в искусстве и в основном промышляли по богатым коллекционерам и музеям. Уверен, вы успели сколотить себе достойный капитал, чтобы встретить безбедную старость. Но когда господин Морган предложил вам украсть «Мону Лизу», то вы не удержались от соблазна. Уж слишком большие деньги он вам посулил. Я так понимаю... Деньги окупали тот риск, на который вы пошли? Да вы не стесняйтесь, говорите откровенно, тут ведь никого нет, мы с вами наедине. Или вы будете от всего отказываться? Мне ведь удалось переговорить с извозчиком, что отвозил вас от Лувра.

– Риск окупился, – проскрежетал зубами Перуджи. – У вас нет больше вопросов?

– Самый маленький, – произнес неизвестный, сомкнув указательный и большой пальцы. – Мне нужна «Мона Лиза».

– Не знаю, как вас там...

– Извините, что забыл представиться, граф Воронцов. Что-то мне подсказывает, что мы с вами договоримся. Я готов заплатить вам за эту картину. Разумеется, не ту сумму, что обещал вам господин Морган, но этих денег будет вполне достаточно, чтобы почувствовать себя состоятельным человеком. Надеюсь, вас устроят двадцать тысяч франков?

Винченцио Перуджи невольно скривился:

– Неужели вы думаете, что я стал бы рисковать из-за каких-то двадцати тысяч франков?

– Это хорошо... Вижу, что наше дело понемногу продвигается вперед. Вы уже начали торговаться. Вы продадите господину Моргану картину, которую обещали, а от меня получите двадцать тысяч франков.

– Что-то я вас не понимаю, вы хотите, чтобы я отдал вам картину, и одновременно желаете, чтобы я продал ему картину.

– Все очень просто, взгляните сюда.

Граф Воронцов поднял с пола сумку, с которой вошел, и, вытащив из нее рулон, бережно развернул. Винченцио еле удержался от восхищенного вздоха. На него смотрела «Мона Лиза», точно такая же, какая лежала у него под матрасом. Он помнил ее до мельчайших деталей, знал каждый кусочек растрескавшейся от времени краски. Сомнений быть не могло, это она! Что же происходит? Но каким образом?!

– Вы не находите, что они похожи? – спросил граф Воронцов, довольный произведенным эффектом. – Но это всего лишь копия.

– Но как вам удалось, она ничем не отличается от настоящей. Одного старания здесь мало.

– Я хороший копиист, все это дело техники. А потом мне удалось подстарить эту картину. Так что ничего особенного, – добродушно улыбнулся граф Воронцов, – просто пришлось вылить на нее крепкого индийского чая.

Перуджи хмыкнул: похоже, что этот граф Воронцов изрядный плут и шутник.

– А остальные следы будут от кофе?

– Вижу, что вы не без юмора, это хорошо! Значит, мы с вами поладим.

– А что, если я скажу вам нет?

Граф Воронцов вздохнул:

– Вы ведь разумный человек. Зачем вам осложнять собственную жизнь? Неужели вы хотите, чтобы с вами разбиралась полиция? Уж она вас точно не пожалеет, тем более что вы посягнули на национальное достояние. Самое меньшее, что вас ожидает, так это десять лет каторги! Я же вам предлагаю не только продать копию, но еще и прилично заработать. Причем господин Морган даже не заметит подмены.

– А вы уверены? На него работает целый штат экспертов.

– Уверен. К делу я подошел обстоятельно. Предмет знаю основательно. Картина написана на холсте шестнадцатого века, на тех самых, что использовал Леонардо да Винчи. Краски те же самые... Он перетирал природные минералы. Что касается техники исполнения, то она безупречна. Это я вам гарантирую. Ни один из экспертов не рискнет утверждать, что это копия.

– Мне хотелось бы увидеть деньги, о которых мы говорим.

– Одобряю. Вполне деловой подход. – Сунув руку в карман сюртука, граф Воронцов вытащил пачку денег, перетянутых обыкновенным шпагатом, и небрежно бросил ее на стол: – Можете пересчитать. – Здесь ровно двадцать тысяч франков.

Перуджи поднял пачку, сорвал с них шпагат и быстро пролистал, убеждаясь в подлинности. Затем вытащил из пачки несколько банкнот и самым тщательным образом осмотрел на свет водяные знаки. Никаких размывов на фигурах или нечетких границ на цифрах. Удовлетворенно кивнув, отвечал, положив пачку в карман брюк:

– Вы красноречивы, граф. – Откинув матрас, он поднял картину, положил ее рядом с принесенным полотном и въедливо принялся всматриваться в цвета, пытаясь уличить в неточности. Но чем пристальнее он всматривался в картины, тем сильнее убеждался, что копия аналогична подлиннику.

– Это невозможно, – наконец произнес Перуджи, посмотрев на графа Воронцова. – Я сам художник, но, чтобы так рисовать, требуется нечто большее, чем талант.

Граф Воронцов мягко улыбнулся:

– Все возможно, мой друг. Если мы сейчас переставим картины местами, так вы даже не поймете, какая из них настоящая.

– Мне кажется, что делать этого не стоит. Можно и впрямь запутаться.

Граф Воронцов рассмеялся.

– Вот именно. Не будем рисковать.

В дверь неожиданно постучали.

– Вы кого-нибудь ждете? – негромко спросил Воронцов, нахмурившись. Не хватало, чтобы пожаловал инспектор Дриу.

– Полагаю, что это секретарь господина Моргана, – уныло произнес Перуджи. – Он пришел за оригиналом. Вам не стоит встречаться.

– Однако эти господа не любят ждать, – хмыкнул граф Воронцов. – У вас есть место, куда я бы мог спрятаться?

– Проходите в соседнюю комнату, туда он не заглянет.

– Эта картина теперь принадлежит мне.

Подняв оригинал «Моны Лизы», он распахнул дверь и уверенно прошел в комнату.

Стук повторился, звучавший теперь более нетерпеливо.

– Подождите минуточку, – громко произнес Перуджи, накрывая картину одеялом. Быстро подошел к двери и, повернув ключ, потянул за ручку.

– Прошу вас, господин секретарь, – разлепив губы в дружеской улыбке, произнес Перуджи. – Я как раз вас дожидался.

Перешагнув порог, секретарь осмотрел убогую обстановку комнаты и неопределенно протянул:

– Все хочу у вас спросить, Винченцио, как вы здесь обитаете?

– Конечно, не самое лучшее жилище, но что поделаешь.

– По моим данным, у вас достаточно денег, чтобы снять приличное жилье.

– Нужна осторожность.

– Впрочем, это не мое дело, так чем вы порадуете господина Моргана?

– Я выполнил заказ.

– Покажите, – умело скрывая нетерпение, произнес секретарь.

Винченцио Перуджи подошел к кровати и, ухватив покрывало за краешек, осторожно его потянул, обнажив картину, лежавшую на одеяле.

– Так что вы скажете, Гарри? – торжественно спросил он, стараясь не выдать своего волнения.

Отставив трость в угол, секретарь подошел к кровати. Некоторое время он разглядывал картину, заложив руки за спину, как если бы опасался оскорбить картину грубоватым прикосновением, а потом, осторожно подняв ее за самые края, принялся внимательно рассматривать.

– Вы все-таки сделали это. А я, признаюсь, сомневался... Даже когда услышал, что она пропала. Теперь я понимаю, насколько был не прав. Завтра о ее исчезновении будет знать вся Франция... Полагаю, что господин Морган останется доволен, – сдержанно заключил он.

– Я тоже так считаю, – поспешно согласился Перуджи.

Положив картину на стол, он вытащил из сюртука конверт и протянул его Винченцио:

– Возьмите... Это ваши деньги!

– Если господин Морган захочет еще чем-нибудь обзавестись, так вы знаете, к кому следует обратиться, – окрепшим голосом произнес Перуджи.

Правый уголок рта секретаря дрогнул:

– Разумеется. Вот только вряд ли можно отыскать что-нибудь равноценное «Моне Лизе». – Уже не справляясь с распиравшим торжеством, Гарри возликовал: – Представляю, какой переполох завтра поднимут газеты.

Завернув картину в темную непрозрачную ткань, Винченцио Перуджи отвечал:

– Теперь она ваша!

Положив картину в большую холщовую сумку, секретарь сказал:

– Безусловно!

Проводив гостя до дверей, Винченцио Перуджи закрыл замок. Все оказалось гораздо проще, чем представлялось поначалу. Он подошел к окну и, откинув занавеску, наблюдал за тем, как секретарь, бережно уложив картину в карете, удобно устроился на подушках.

– Поздравляю вас, – скрипнув половицей, из комнаты вышел граф Воронцов, – с весьма выгодной сделкой.

– Полагаю, что на этом наше сотрудничество закончилось? – невесело буркнул Перуджи.

Следовало как можно быстрее отделаться от навязчивого гостя и ближайшим же поездом съехать куда-нибудь в Аргентину, где его никто не разыщет. Страшно даже представить, что с ним будет, если вдруг господин Морган обнаружит подделку.

Князь Воронцов не торопился уходить. Он вообще чувствовал себя в его каморке по-свойски, была бы его возможность, так и остался бы здесь проживать. Впрочем, с этими намерениями уже к господину управляющему!

Присев на стул, граф закинул ногу за ногу, продемонстрировав длинные полосатые гольфы, и произнес:

– Деньги обладают одной скверной чертой.

– Интересно, какой же? – хмыкнул Винченцио. – У них скверный характер?

– Они быстро заканчиваются. У вас есть желание заработать, скажем, пятьсот тысяч франков? А еще лучше миллион!

– Что за вопрос? Кому же не хочется заработать такие деньги?

– Тогда нужно продать несколько картин «Моны Лизы».

– Вы шутите? Это каким же образом?

– После пропажи «Моны Лизы» во Франции начнется страшный переполох. Она и раньше была самой узнаваемой картиной в мире, а после этого случая вряд ли отыщется человек, который бы о ней не слышал. Каждого будет интересовать, где именно она находится. Появится немало состоятельных людей, готовых приобрести ее за любые деньги! Одного такого я уже знаю, это американский банкир Рокфеллер. Он отдаст немалую часть своего состояния, чтобы утереть нос Джону Моргану! Несколько человек из России тоже захотят приобрести «Мону Лизу». Ваша доля – с каждой картины сто тысяч франков.

Перуджи задумался:

– Деньги, конечно же, хорошие, но как их убедить, что они владеют подлинниками?

– Наша задача как раз в этом и заключается. Но для начала нужно написать картину, которая была бы неотличима от настоящей. Не исключено, что с некоторыми из покупателей вам придется встретиться лично и рассказать в деталях, как произошло ограбление. Так сказать, для достоверности.

– Они могут сдать меня полиции.

Граф Воронцов лишь хмыкнул.

– Вам не стоит опасаться этих людей. Они не заинтересованы в огласке и уж тем более вряд ли станут кому-то рассказывать, что покупают «Мону Лизу».

– Кажется, я вас понимаю. И когда же мы приступим?

– Ждите, я вам сообщу, – поднялся из-за стола граф Воронцов. – Советую съехать куда-нибудь на пару недель, скоро в Париже будет очень жарко, – надел он шляпу. Взяв пакет с уложенной «Моной Лизой», едва улыбнулся. – Надо же такому случиться, чуть не позабыл!

Михаил Голицын прошел в коридор и мягко прикрыл за собой дверь. Выйдя из подъезда, он чувствовал колючий взгляд Перуджи – между лопатками зачесалось, и он едва удержался, чтобы не утолить зуд прямо посреди снующей толпы. Ждать пришлось недолго: еще через минуты две парадная дверь распахнулась и из нее, держась на отдаленном расстоянии, последовал Винченцио Перуджи. Довольно улыбувшись, Михаил, беззаботно помахивая тросточкой, беспечно шагал к съемной квартире. Оставшиеся три квартала князь прошел пешком, подмечая, что Перуджи следует на значительном расстоянии. Потянул за массивную медную ручку, ощутив пальцами прохладу металла, и вошел в подъезд, освещенный гирляндами тусклых ламп. Поднялся на четвертый этаж, довольно улыбнулся, когда услышал внизу стук отворяемой двери, и достал из кармана ключ.

* * *

Расположившись у самого окна, князь Голицын допивал крохотную чашку кофе, наблюдая за подъездом, где расположилась редакция «Пари-Журналь». Мимо, грохоча рессорами, проносились тяжелые экипажи; по тротуару, укрывшись широкими зонтами от лучей заходящего солнца, прогуливались молодящиеся старухи в сопровождении столь же престарелых спутников; беспечно, позабыв осматриваться по сторонам, через дорогу шумно пробегали мальчишки; молодые люди, сбившись в пары, размеренными шагами фланировали по тро-

туару. Обдавая едким черным дымом беспечных прохожих, иной раз проносились автомобили, а звуки клаксонов казались настолько громкими, что просто закладывало уши. Обычная жизнь столичного города. На первый взгляд мало что могло помешать ее размеренности и устройству.

Неожиданно дверь широко распахнулась, и из подъезда редакции в длинном зауженном книзу платье, с небольшой шелковой шляпой на высокой прическе вышла Жаклин.

Впервые Михаил Голицын увидел ее в сумраке средневекового подвала, оборудованного под ресторан, увлеченно поедающую мороженое. Тогда его очаровал ее пристальный взгляд и разноцветные глаза, выглядевшие весьма необычно: правый был светло-зеленым и как бы предостерегал от возможного безрассудства, а левый, голубоватый, манил и провоцировал. У женщины с такими глазами обычно уживаются противоположные сущности. Голицын представился Луи Дюбретон, свободным художником, средства которого позволяют разъезжать по Европе и в свое удовольствие копировать понравившиеся картины. Жаклин оказалась журналисткой, специализировавшейся на криминальных темах, и в дальнейшем разговоре выяснилось, что в настоящее время она занимается журналистским расследованием – стремилась отыскать пропавшую картину «Мона Лиза». Вот только в этом деле Голицын ей не помощник.

Князь Голицын бросил на стол франк и, быстро поднявшись, вышел из кафе. Посмотрев по сторонам, Жаклин, слегка приподняв красивую голову, уверенно пересекла улицу и направилась в сторону стоянки извозчиков.

Высокая, с развитой грудью, она невольно привлекала внимание мужчин, и для князя Голицына оставалось совершенно непонятным, почему такая женщина пребывает в одиночестве. По его мнению, толпа поклонников должна была осаждать редакцию журнала, петь под ее окнами серенады и признаваться ежеминутно в любви. А вместо рулад с признаниями мужчины лишь лениво посматривали в ее сторону, отмечая безупречные пропорции высокой фигуры, совсем ненадолго задерживали взгляд на ее предлинных ногах и вновь возвращались к жареным сосискам и к недопитому пиву.

Для того чтобы покорить такую женщину, как Жаклин Ле Корбюзье, одной дерзости все-таки было недостаточно. Требовалось нечто большее. Ее следовало удивить, заинтересовать, поразить. Только в этом случае будет способствовать успех, но сначала нужно заставить обратить на себя внимание.

Неожиданно вынырнув из-за угла, Голицын предстал перед Жаклин, – девушка невольно ткнулась ему лбом в грудь, и князь едва удержался от желания обхватить ее голову ладонями.

– Извините, – невольно произнесла Жаклин, подняв взор, но, увидев улыбающегося Воронцова, с раздражением произнесла: – У меня такое впечатление, что Париж сделался очень маленьким, куда бы я ни пошла, так всюду встречаю вас.

– А может, это судьба? – загадочно произнес граф. – Лично я совершенно не против таких встреч. Так куда вы направляетесь? Разрешите вас проводить.

– Вы очень любезны, месье Дюбретон, – отвечала девушка, пожав плечами.

– Что же так официально, помнится, в последнюю нашу встречу вы называли меня Луи.

Некоторое время молодая пара шла молча. Присутствие девушки было приятно, от пышных волос пахло лавандой, и Воронцов, наслаждаясь, смотрел на ее прямой аккуратный нос, слегка вздернутый подбородок, пухлые, четко очерченные губы, высокие острые скулы и длинный русый завиток, спускавшийся с виска на щеку.

– Кажется, я разгадал вашу тайну, – произнес Голицын.

– Вот как, любопытно, мне такого никто еще не говорил, – приостановившись, Жаклин с интересом посмотрела на графа. – И в чем же она заключается?

– У вас разные глаза, а следовательно, в вас живут два разных человека.

– И какие именно?

– Ваш правый зеленоватый глаз говорит о том, что вы невероятно чувствительная натура. Умеете любить и желаете быть любимой. Для вас любовь – это почти что религия. Вы жрица этой любви.

– Смелое заявление, вы хотите сказать, что я весталка? Более сильного комплимента слышать мне не приходилось.

– Скорее, я бы назвал вас хранительницей очага, – нашелся князь. – Я был бы счастлив, если бы мой семейный очаг хранила такая женщина.

– Очень смелое заявление, – зашагала Жаклин прежней грациозной походкой. – Мне никто не говорил подобного. Знаете, Луи, а вы умеете удивлять.

– Я сказал то, что чувствую. Мне бы хотелось удивлять вас каждый день, каждый час, каждую минуту. Полагаю, что это мое призвание.

– А что же в таком случае говорит голубой глаз?

– Он холодный, как кусок льда, и человека, который ему не нравится, он всегда держит на значительном расстоянии.

– Вот оно что... Я вас недооценила в нашу первую встречу, оказывается, вы куда более опаснее, чем я предполагала поначалу, – улыбнулась девушка. – Вы не боитесь, что от ваших слов у меня может закружиться голова?

– Вы всегда можете на меня опереться.

Щеки девушки слегка покрылись румянцем, отчего она сделалась еще более привлекательной. Жаклин вскинула острый подбородок и посмотрела на улыбающегося Голицына.

– Вы всем девушкам говорите такие слова?

– Нет, вы единственная, для кого я берег все эти слова.

– Вот как? И почему же? С чего же мне такая честь?

– Я был бы счастлив, если бы вы были не только хранительницей очага, но еще и моим ангелом-хранителем.

От девушки исходил тонкий аромат духов, весьма подходящий к ее хрупкой внешности. Интересно, она знает о том, насколько она привлекательна?

– А не слишком ли тяжелая ноша для одной женщины? Ведь я же могу не выдержать.

– Жаклин, вы забываете о том, что я всегда буду рядом. Эту ношу мы разделим на двоих.

– Тогда, конечно, вы меня очень успокоили, – губы девушки дрогнули в насмешливой улыбке. – Боже мой! – всплеснула руками Жаклин. – О чем я таком говорю! Вы пытаетесь меня разыграть?

– Нет, все намного серьезнее, чем вы думаете, – отвечал Голицын спокойным тоном, погасив эмоциональный всплеск девушки.

– Это что же получается, вы мне делаете предложение? Я вас правильно поняла?

– Можно сказать, что да.

– Мне разрешается подумать?

– Я вас не тороплю с ответом. Просто знайте, что я все время буду рядом.

– Ваше ожидание может затянуться, я не из тех женщин, что торопятся замуж.

– Я готов ждать сколько угодно, лишь бы знать, что когда-нибудь вы ответите согласием.

– Луи, такие слова способны вскружить голову любой женщине.

– Мне не нужна любая женщина, Жаклин, – князь Голицын в порыве взял ее за локоток и через тонкую материю почувствовал жар, исходящий от ее хрупкого тела. Еще мгновение, и она обожжет его ладонь. – Мне нужны только вы.

Девушка нерешительно вытянула свою руку. Кончики пальцев горели, будто бы обожженные. Михаил невольно сглотнул, расставаясь с желанной добычей. Теперь Жаклин была от него гораздо дальше, чем в их первую встречу. Настоящая жар-птица, которую не удержать уговорами, не поймать в силки. Обожжет, подпалит и улетит в синее небо! Удержать подле себя ее

можно, лишь сграбастав в охапку, – наступившая минута весьма подходящий случай. Другой может просто не представиться.

– Вы ничего обо мне не знаете.

– Того, что я знаю о вас, вполне достаточно, чтобы нам всю жизнь быть рядом.

– Луи, мне не восемнадцать лет, когда я была очень юной и неискушенной девочкой, у меня тоже была своя жизнь, где хватало места страстям.

– Меня не интересует ваше прошлое. У меня тоже была какая-то своя жизнь, но почему бы в таком случае нам не начать все с чистого листа.

– Я ценю вашу настойчивость, Луи, но в моей биографии может быть нечто такое, что вам совершенно не понравится. Вы можете во мне разочароваться.

Прохожие невольно бросали взгляды на красивую пару, домысливая, что между молодыми людьми страстный роман, поэтому они и не наговоряются.

– Вы не убедите меня отказаться от вас. Вы прекрасны, и я готов повторять это до бесконечности.

Губы девушки сжались в тонкую упрямую линию, уголки рта слегка побелели, а вот щеки, наоборот, покрылись едва заметным румянцем. Напускная суровость не смогла испортить римского профиля с прямым, аккуратно прочерченным носиком. «Эх, веснушки бы на него, вот тогда было бы совсем замечательно!» – едва улыбнулся Голицын.

Пожав плечами, Жаклин зашагала по тротуару, увлекая за собой Голицына, теперь ее походка была не столь стремительной. Шаг оставался размеренным и спокойным, хотелось верить, что его общество для нее не в тягость.

– В моем возрасте девушки уже пережили свою первую любовь. И поверьте мне, она способна оставить в душе глубокие овраги, – подняла Жаклин голову. Взгляд, еще какую-то минуту назад веселый и даже в чем-то дерзкий, вдруг потускнел, как если бы глаза укрылись под темным грозовым облачком.

– Мне очень жаль. Вы из тех самых девушек?

– Возможно. Хотите, я расскажу о себе небольшую грустную любовную историю?

– Мне не нужно от вас никаких признаний. Мое мнение о вас не изменится.

– А вы все-таки послушайте... Я была влюблена в одного молодого офицера. Когда-то мы с ним жили по соседству. Мы даже подумать не могли, что наша дружба перерастет в нечто большее. По-настоящему мы поняли, что любим друг друга, когда он отправился служить. Благо что его кавалерийский полк находился недалеко от Парижа. Вы даже представить себе не можете, как я дожидалась наших коротких свиданий. Мы были очень молоды и очень наивны. Верилось, что впереди нас ожидает только самое прекрасное. Надеялись, что проживем всю жизнь вместе, и дожидались времени, когда мы сможем, наконец, соединиться. Потом вдруг он неожиданно пропал, а вскоре я поняла, что он женился на дочери полкового командира. Девчонка влюбилась в него без оглядки, и он, воспользовавшись ее наивностью, соблазнил. Дело пахло крупным скандалом, старший брат хотел вызвать его на дуэль. Однако все закончилось более чем удачно, он женился на этой девушке, и его карьера стремительно пошла в гору, сейчас он капитан и, как говорят, в ближайшее время станет полковником. Его часть расквартирована под Версалем, и дважды я его видела в обществе молодой и привлекательной девушки, его жены. Сейчас у него подрастают двое сыновей, погодки, очень хочется верить, что он счастлив в этом браке.

– Он самый настоящий негодяй! Он не пытался объясниться с вами? – хмуро поинтересовался Воронцов.

Рассказанная история неожиданно болезненно ранила князя. Хотя кто бы мог подумать, что после того количества женщин, с которыми он прежде был знаком, его может задеть какая-то банальнейшая история, произошедшая с женщиной, которая каких-то пару недель назад была ему незнакома.

– Попробую... Накануне своей свадьбы он захотел меня увидеть, караулил у дверей подъезда, хотел подняться ко мне в квартиру, но мама просто его непустила.

– Вы были с ним... Как далеко зашли ваши отношения?

– Достаточно серьезно, – не сразу ответила Жаклин. Вздернув подбородок, она почти дерзко посмотрела в сочувствующие глаза Голицына. – Даже не знаю, почему я отвечаю на ваш вопрос. Прежде мужчины не спрашивали у меня подобного. – Неопределенно пожав плечами, предположила: – Возможно, я стала другой. Во мне произошли какие-то перемены, и они это чувствуют.

– Извините, если я вас чем-то обидел, – растерялся Голицын.

– А вот и мой дом, – остановилась девушка перед серым пятиэтажным зданием с четырьмя колоннами у самого входа. Спасибо, что проводили.

– Когда я могу увидеть вас вновь?

– О боже! С вами мы встречаемся чаще, чем с некоторыми моими добрыми знакомыми.

– Понимаю... Значит, я так и не стал для вас добрым знакомым. Что я могу для вас сделать, чтобы вы как-то изменили ко мне свое отношение?

– Вы и так уже много сделали. Сейчас вам нужно просто идти домой.

– Вот, значит, как... Прогоняете, что ж, не смею вас больше задерживать. Надеюсь, что мы с вами еще увидимся.

Едва кивнув, Михаил Голицын развернулся и, весело помахивая тростью, заторопился через дорогу.

– Луи, – услышал он звонкий голос.

Обернувшись, Голицын с надеждой посмотрел на Жаклин, выглядевшей слегка растерянной.

– Возможно, я с вами была несправедлива. Позвольте мне загладить свою вину. Если вы желаете, я могу угостить вас чашкой кофе.

– Буду очень рад вашему предложению, – с готовностью отозвался Голицын. – Прошу вас, – широко распахнул он дверь перед девушкой.

Жаклин, слегка приподняв длинное платье, прошла в подъезд и зашагала по высоким каменным ступеням. Поднявшись на этаж, девушка остановилась перед большой резной дверью.

– Здесь я живу, открывайте, – протянула она ключи.

– Выглядит очень символично, – вытянул Голицын ключи из узкой тонкой ладошки. Натолкнувшись на насмешливые глаза, слегка смутился: что же ей от него нужно? Странно все как-то. Провернув на два оборота ключ, открыл замок. – Прошу вас.

Девушка вошла в прихожую, оказавшуюся узкой и длинной, напоминавшую коридор; далее квадратная гостиная, где на паркетном полу, выложенном квадратами, неистово плясали тени от уличного фонаря, раскачиваемого порывами ветра. Следом, волнуясь, вошел в комнату и Голицын. Негромко щелкнув металлическим язычком, закрылась входная дверь, оставив их наедине в полутемном помещении. Мебель простая, не новая, какая бывает у чиновников средней руки, не обремененных высоким жалованьем. Ровным счетом ничего от девичьей горницы – ни милого рукоделия на стуле, ни наивной вазочки с цветами. Комната, скорее всего, напоминала приют одинокого холостяка, где по углам можно увидеть смятые гольфы, на стуле – развешанную непроглаженную рубашку, а на спинке – открытки с обнаженными дамами. Это уже характер, тут ничего не поделаешь. И вообще, эмансипация вещь серьезная. Вряд ли с такой женщиной у него может что-то получиться, уж слишком она самостоятельная. В какой-то момент Голицын пожалел о своем решении принять предложение на «чашку кофе», следовало бы сослаться на какую-то безотлагательную причину, тогда избежал бы нахлынувшего разочарования.

Девушка неожиданно смело посмотрела ему в лицо. Ее глаза отчего-то повлажнели, приняв в себя ночной свет, проникавший через большие окна. Разом все переменялось, важно было то, что они оставались вдвоем. От ее тела исходило успокаивающее тепло, волосы пахли весенним ароматом. Таких женщин полагалось любить и держать в своих объятиях до тех самых пор, пока они не попросят милости.

Поддаваясь нахлынувшему порыву, князь Голицын слегка обхватил девичьи плечи и поцеловал девушку в губы, почувствовав, как они слегка приоткрылись.

– И что же это было, Луи, позвольте полюбопытствовать?

– Простите меня, Жаклин, что-то вдруг как-то нахлынуло, не удержался, – честно признался Голицын. – Обычно я крайне сдержанный. А тут сам себя не узнаю.

– Вы как-то говорили о том, что во мне прячутся две личности, так какая же я сейчас, по вашему мнению?

– Мне не рассмотреть в полутьме цвет ваших глаз, ведь они разные, – произнес Голицын, чувствуя, как от волнения вдруг стал сбиваться голос.

Надо же такому случиться, разволновался, как обыкновенный гимназист, повстречав предмет своей страсти, как будто бы и не было у него блистательных побед над красивейшими аристократками Санкт-Петербурга, все куда-то ушло.

В глазах девушки вспыхнул крохотный огонек.

– Но кажется, вы безрассудная.

– Это действительно так, – проговорила Жаклин. У самого лица князь Голицын почувствовал горячее девичье дыхание. Шею оплели гибкие тонкие руки. – Я нечасто приглашаю в свой дом мужчин.

Ответить князь Голицын не успел – мягкие горячие губы впились в его рот с необыкновенной страстью, на которую способна лишь по-настоящему любящая женщина. Едва не задыхаясь от нахлынувшего восторга, он провел ладонями по ее спине и, натолкнувшись пальцами на шнурки, потянул. Получилось грубовато.

– Ты порвешь мне платье. Пройдем в комнату. Не здесь, – строго предупредила девушка.

Слегка отстранившись, Жаклин взяла его за руку и потянула в комнату. В небольшой спальне, где всего-то умещалась кровать с небольшим старомодным шкафом и коренастой некрасивой тумбочкой, столь же строгой, как кабинет какого-нибудь отставного поручика, разместились без труда. Жаклин, рассыпая длинные тяжелые волосы по плечам, выдергивала из прически заколки.

В какой-то момент князь поймал себя на том, что ищет следы мужского присутствия. Но ничего такого не обнаружил: ни бритвенных принадлежностей, ни сорочек, ни запонок, небрежно брошенных на комод. Взгляд наткнулся на безупречную чистоту, какую способна произвести только женская рука. Несколько легкомысленно, выбиваясь из общего порядка, на кровати лежала большая мягкая кукла.

Губы Голицына невольно дрогнули: не наигралась еще...

Теперь девушка была рядом, всего-то на расстоянии одного дыхания. Покорная, желанная. Крупные глаза взирали на него с ожиданием и надеждой. Разочаровывать не хотелось. Дотронувшись ладонями до ее матовых плеч, Голицын некоторое время любовался красивым лицом, в котором прочитывался вызов. А потом осторожно поднял на руки, как поступают с невероятно хрупкой и ценной ношей, и бережно положил на кровать. Девушка, обвив его шею гибкими руками, не желала отпускать.

– Господи, что же я делаю... Расшнуруй платье...

– Сейчас...

Развязав платье, Михаил уткнулся губами в ее шею, почувствовав солоноватый вкус. Жаклин проворной змейкой выскользнула из тесного упругого платья, заставив Голицына остановить жадный взор на длинных ногах, спрятанных в кружевные панталончики, на лифе,

прочно облежавшем ее крепкое молодое тело. И поспешнее, чем следовало бы, он принялся стягивать с себя сюртук. Запоздало подумал о том, что наверняка выглядит смешным в длинных зауженных трусах и высоких полосатых гольфах. Потом смущение куда-то враз улетучилось, и он, не сводя глаз с лица девушки, принялся стягивать с нее панталоны, оголяя плоский живот.

– Господи, какая же ты красивая, – задохнулся Голицын от накативших чувств, разглядывая бесконечно длинные ноги. Белеющее тело выглядело вызовом сгущающемуся сумраку. Обхватив девушку руками, он мягко опустился, почувствовав под собой ее упругое сильное тело.

Закусив губу, Жаклин простонала и крепко вцепилась пальцами в его плечи...

...Открыв глаза, Голицын принялся смотреть на высокий потолок, украшенный античной лепниной; по углам – барельефы ангелов с натянутыми луками. Весьма подходящая композиция для спальни. Жаклин, едва прикрытая простыней, уткнулась лицом в его бок. Теперь, глядя на нее, столь покорную и умиротворенную, трудно было предположить, что в этом хрупком и нежном тельце может прятаться самый настоящий демон любви. О такой женщине большинство мужчин мечтают всю жизнь и очень часто не находят, а вот ему очень повезло – она лежала рядом и грела его уставшее тело ровным горячим дыханием. Повернув голову, Михаил увидел через прозрачный шелк ее обнаженные ноги, в которых для него уже не оставалось тайны, но от этого Жаклин не стала менее притягательной, наоборот, возникало ощущение духовной близости.

– Ты о чем думаешь? – спросила Жаклин, посмотрев на него своими удивительными глазами. Сейчас правый глаз приобрел насыщенный зеленый цвет, каким бывает лишь натуральный цвет абсента. От такого дурмана может закружиться голова.

– О тебе.

– Надеюсь, не самое плохое.

– Просто подумал о том, что мне невероятно повезло. Просыпаться утром рано и видеть перед собой такую красивую женщину, как ты. На свете очень мало таких счастливиц, как я.

– А ты уверен, что мы останемся с тобой вместе... на всю жизнь?

– Теперь я в этом уже не сомневаюсь. Я просто не отпущу тебя, и мне очень хочется верить, что ты этого так же хочешь.

– Я этого хочу, – отвечала Жаклин, обхватив его шею гибкими, будто бы лоза, руками.

– Мне бы не хотелось, чтобы между нами стояла ложь.... Я хочу рассказать о себе.

– Не утруждайся, милый, я уже знаю о тебе много.

– Ты уверена?

– Да. Ты забываешь, что я репортер. У меня свои источники, и, конечно же, мне интересно было знать о мужчине, который мне нравится.

– И что же ты можешь рассказать обо мне?

– Ты никакой не Луи Дюбретон, чьим именем представился мне во время нашего знакомства. Ты граф Воронцов, известный парижский кутила и бездельник. Весьма известное лицо в Париже.

– Вот как... Что же еще говорят обо мне?

– Что ты невероятно богат, что у тебя очень много любовниц. – Кокетливо улынувшись, добавила: – Сегодня твои трофеи пополнились еще на одну девушку. А еще тебя подозревают в краже «Моны Лизы». Это все или я что-то пропустила?

– Откуда тебе известно про «Мону Лизу»? – стараясь скрыть беспокойство, спросил Голицын. Взгляд невольно скользнул по нежно-розовым соскам...

– У меня в полиции есть свои источники. Ведь я же репортер и хочу быть в своем деле лучшей. Не знаю, что там тебя связывает с «Моной Лизой», но я бы рекомендовала тебе держаться подальше от полиции, а еще лучше не выходить в город вообще!

– Ты так обо мне беспокоишься?

– Конечно. Только нашла своего мужчину и сразу его терять... Было бы очень несправедливо.

– Вижу, что ты не теряла даром времени, узнала много обо мне, но это не все мои секреты. Я ведь не граф...

– Так я и знала! – с горячностью воскликнула Жаклин. – Почему все русские хотят выглядеть титулованными особами? Лично для меня это не имеет особого значения, хотя мои предки по материнской линии были в родстве с Бурбонами. Титулы во Франции сейчас не в моде. Но ты хоть русский?

– Это да.

– Так кто же ты? Аферист, мошенник?

Михаил Голицын едва улыбнулся, показав безукоризненный ряд зубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.